

A-64

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. С. АНАСЯН

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ
В XVII ВЕКЕ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН

1962

Защита диссертации состоится в *Иван. 18* 1962 г.
в Институте истории АН Арм. ССР (г. Ереван, ул. Абовяна, 61).

Автореферат разослан

20 Июн 1962 г.

Изучением вопросов, которым посвящена диссертационная работа, автор занимается уже около 30 лет. В настоящей работе на основании новых и малоизученных источников освещается новая, доселе неизвестная страница в истории армянских освободительных движений.

Еще в 1934 году, указав в своей статье на некоторые исторические факты, казавшиеся косвенными,¹ мы впервые попытались доказать, что они являются первоисточниками по истории освободительных движений западных армян; мы показали, что появившийся в 1666 г. в Париже «армянский дворянин» Мурад² и посетивший в 1683 г. Версальский дворец Шахмурад³ одно и то же лицо; что эта личность, а также Ованес Тутунджи, бывший в 1666 г. армянским патриархом в Константинополе, а затем, согласно одному свидетельству, ставший «главой франкского народа»,⁴ в 1683 г. также находившийся в Версале,⁵ были активными деятелями освободительного движения западного армянства этого периода. Подобные же мнения только впоследствии были высказаны некоторыми представителями армянской исторической науки, из которых первым в 1946 г. был А. Албояджян.⁶

Благодаря систематическим поискам, мы постепенно развили наши первоначальные тезисы, выдвинутые в вышеупомянутой статье, и весь результат наших исследований в 1947 г. представили Институту истории АН Арм. ССР.⁷ В

¹ А. С. Анасян, «Лепта в историю армянского освободительного движения. Махтеси Шахмурад и Ованес Тутунджи», см. журнал *Еркунк*, Париж, 5-й год издания, № 6—8 (1934 г., октябрь—декабрь).

* Звездочкой отмечаются армянские издания.

² *Revue des Etudes Arméniennes*, t. II, 1922, p. 85—86.

³ *Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры*, т. I, 1921, стр. 391—399.

⁴ «Архив истории Армении», кн. X, Тифлис, 1912, стр. 104—105*.

⁵ *Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ.*, т. I, стр. 391.

⁶ А. Албояджян, «Миссия одного армянского епископа в Абиссинию в XVII в.», Каир, 1946.*

⁷ См. Архив Института истории АН Арм. ССР, папка № 180*.

1961 г. Издательство АН Арм. ССР опубликовало наш труд отдельной книгой, которая сегодня в качестве диссертации представлена на защиту. Некоторые части этой книги ранее были опубликованы нами в научной прессе под заглавиями — «Турецкое владычество в Армении в XVII веке»¹ и «Страница из истории армяно-греческого освободительного движения в период Кандийской войны (XVII век)»².

Открытое и исследованное нами данное освободительное движение, направленное против турецкого ига в XVII в., охватывает примерно 50-летний период, который по складывавшейся обстановке и развитию событий делится на три этапа:

1. Зачаточный период освободительного движения, 1633—1666 гг.

2. Первый этап освободительного движения, связанный с Кандийской войной (Венеция, Франция, Рим), 1666—1669 гг.

3. Второй этап освободительного движения, связанный с Францией, 1669 (сент.)—1683 гг.

Это движение, которое, быть может, было бы правильнее, в соответствии со свойственной ему характерной особенностью, назвать идейным освободительным движением, мы рассматриваем как историческое явление, зародившееся в недрах западноармянской действительности XVII века, питавшееся в условиях турецкого владычества и развившееся в атмосфере международных отношений. Исходя из марксистских методологических позиций, мы показали, что данное движение имело одновременно социальную, экономическую и политическую основы. В связи с этим мы пытались рассмотреть и осветить ряд вопросов, связанных с историей западной ветви армянского народа, в первую очередь вопрос общественных течений западных армян. Уяснение вопроса об общественных течениях особенно важно в том отношении, что освободительной мысли и движению особую остроту придавали взаимоотношения этих течений, перекрещивание и борьба существовавших среди буржуазии и духовенства направлений, борьба, которая в событиях внутренней жизни западных армян XVII века была господствующей. Эта борьба, наряду с другими социально-политическими и экономическими

¹ Известия АН Арм. ССР, обществ. науки, 1951, № 5, стр. 51—70*.

² Известия АН Арм. ССР, обществ. науки, 1954, № 3, стр. 85—99*.

причинами, и породила освободительные идеи среди западно-армянской торговой буржуазии и поставила ее во главе освободительного движения.

Исследование данного движения проведено в тесной связи с современными международными политическими и дипломатическими отношениями.

Работа написана на основе конкретного исторического материала и научной аргументации. Наши мнения и выводы в основном опираются на прямые источники на армянском и других языках: исторические сочинения, хроники, дневники, путевые записки, топографические труды, отчеты дипломатических посольств и консульств, сообщения миссионеров, биографические материалы, письма, мемуары, памятные записки и др. Нами использованы не только изданные источники, но и в значительной мере неопубликованные материалы, в основном из Ереванского Государственного Матенадарана (Научно-исследовательского института древних рукописей при Совете Министров Арм. ССР), а также некоторые неопубликованные материалы, о которых имеются сведения в изданных каталогах рукописей, хранящихся в Париже, Вене, Иерусалиме, Риме и других городах. Нами использованы также исследования армянских, русских, западноевропейских и турецких авторов досоветского и советского периодов.

Труд состоит из Предисловия, Введения, 13-ти глав и Заключения, к которым приложены «Документы», «Библиография использованных источников и литературы», «Словарь», «Именной и предметный указатель».

В Предисловии кратко говорится о том, что в данном труде мы исследуем новую страницу в истории армянского освободительного движения, относящуюся ко второй половине XVII века. Здесь же говорится о политической бесперспективности и тщетности надежд, связывавших освобождение западных армян с Европой. В связи с этим мы пытались также осветить дипломатические связи западноевропейских стран с Турцией, а также международные отношения в XVII веке, связанные с турецким Востоком.

Что касается вопроса о политической ориентации вообще, то нужно заметить, что она в XVII веке, как в предшествующие века, оставалась прозападной, соответственно интересам общественных слоев, руководивших движением. В этот период армяно-русскими отношениями все еще подготавливалась почва для русской ориентации, которая явственно определилась только в начале следующего, XVIII века.

В вопросе политической ориентации армян примечательно то, что во второй половине XVII столетия как в За-

падной Армении (против турецкого владычества), так и в Восточной Армении (против персидского владычества) принимаются шаги в одном и том же политическом направлении в целях освобождения от иноземного ига, хотя и независимо друг от друга, разными и противоположными путями: деятельность западных армян велась по линии Франции и ее союзников, восточных же армян — Германии и ее союзников, но, в конечном счете, оба пути вели в Рим и сходились в лабиринте сложного дипломатического аппарата Ватикана. Таким образом, борьбу течений, существовавших в армянской жизни, и разрозненность освободительной деятельности западных и восточных армян следует рассматривать как явление попутное той длительной и упорной борьбе за гегемонию, которая велась в Западной Европе между Бурбонами и Габсбургами. Выдвигая этот проблематичный вопрос, исследование и решение его мы оставляем на другой случай, имея в виду, что в данном труде нас не занимают события в Восточной Армении.

Введение. Турецкое владычество и освободительное движение западных армян в XVII веке. На основании источников дается характеристика турецкого владычества в Армении. Начиная с конца XV века Османская Турция и Сефевидская Персия становятся на армянских землях соседями. Армения долго являлась яблоком раздора между двумя государствами, и, можно сказать, более или менее твердая граница была установлена лишь договором 1639 г., по которому западные области исторической Армении, составлявшие большую часть страны (включая Ван, Карс, Чилдыр), остались в руках турок, а восточные области — в руках персов.

По уровню экономического развития Османская Турция была очень отсталой. Развитие производительных сил в турецком военно-феодальном обществе происходило слишком медленно, вследствие чего затягивался и процесс распада феодализма.

Условия для развития капиталистического способа производства в Турции назрели гораздо позже, чем, скажем, в какой-либо стране Западной Европы. Одной из причин этого, несомненно, явилось давление иностранного капитала, который, опираясь на исторические капитуляции, приобрел огромную экономическую силу во внутренней жизни Турции. Благодаря капитуляциям, в конце XVI столетия в основном было завершено проникновение европейского торгового капитала на Ближний Восток, который, таким образом, стал ареной борьбы между государствами Западной Европы, в особенности между Францией, Англией и Голландией. Европей-

ский капитал, подчиняя себе местное производство, тормозил его свободное развитие. Однако более важной причиной отсталости и медленного развития производительных сил был господствующий строй. Об этом Ф. Энгельс пишет: «Турецкое, как и всякое другое восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности».¹ Этот хищнический турецкий строй, соответствуя экономической отсталости страны, тормозил как экономическое, так и политическое и культурное развитие народов Османской империи.

В Турции господствовал военно-феодальный строй, причем, на всей территории империи, на так называемых государственных землях, существовали наследственные феодалы, предоставленные кавалерии (сипахи). Землевладельцы имели юридическую власть над населением своих феодалов. Теми же правами на государственные земли пользовались и начальники областей и районов (беклербеки и санджакбеки), являвшиеся временными военными и административными правителями на подвластных им территориях. Армянские территории (большая часть Великой Армении, Малая Армения, Киликия), являясь частью Османской империи, естественно, входили в турецкую феодальную систему. Опираясь на сведения современника П. Райкота,² мы пытались дать картину административного деления этих территорий Армении. Достоинство данных Райкота, по сравнению с сообщениями турецких авторов, заключается в том, что они охватывают интересующий нас период и дают картину административного деления 60-ых и 70-ых годов XVII столетия. Уточнив и восстановив сами по себе сильно искаженные наименования указателя Райкота, обозначив рядом с турецкими армянские названия местностей, или указав старые армянские формы, в результате искажения которых возникли турецкие названия, мы составили для данного периода научный указатель, который был опубликован нами еще в 1951 г.³

Особенности турецкого владычества в общих чертах уже

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, «Сочинения», т. XVI, ч. II, Москва, 1936, стр. 22.

² Chev. Ricaut, «Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman», Paris, 1670, livre I, chap. XII; livre III, chap. III.

³ См. Известия АН Арм. ССР, обществ. науки, 1951, № 5, стр. 54—56.*

известны, в частности отношение турок к немусульманским народам, именуемым «райя» (подданный-немусульманин) или «гявур» (неверный) и являвшимся элементом униженным и дискриминированным. Гнет турецких теократических порядков в отношении армянского и других немусульманских народов принимал форму невыносимых национальных и моральных преследований и гонений. В этом отношении красноречивы свидетельства о законе, устанавливающем различия в одежде, согласно которому немусульмане под страхом смерти обязаны были своим внешним видом отличаться от мусульман, что, как рассказывает автор той эпохи, давало возможность узнавать, «кого можно оскорблять безнаказанно».¹ В практике внутренней политики Османской империи имело место индивидуальное, а иногда даже массовое, насильственное обращение иноверных в магометанство. Об этом свидетельствуют многочисленные данные житий армянских мучеников, относящиеся к XVII веку.² Современный автор Григор Камахеци в связи с этим говорит, что «тех верующих, которые не признают Магомета и его злую веру, подвергают всякого рода истязаниям и сжигают на огне, и это они считают богослужением».³ Интересны также известные исторические свидетельства о девширме (наборе), посредством которого турки систематически отбирали у армян и других подданных-христиан их детей и обращали в мусульманство.⁴

Наряду с этим существовала также хищническая налоговая система, гнет которой особенно тяжелым был для «райи». Согласно свидетельствам современника событий Февюра, христианское население Османской империи в XVII веке обязано было платить следующие налоги:⁵ 1. Сюрсат (военный налог, вносимый в виде скота, продовольствия и дров); 2. Авариз (по закону должен был выплачиваться государству лишь при чрезвычайных условиях, например, во время

¹ Chev. Ricaut, p. 264. См. также Еремия Челеби Кемурджян, «Дневник», Иерусалим, 1939, стр. 399—400.* Акоб Карнеци, «Описание Верхней Армении», Вагаршапат, 1903, стр. 35.*

² См. Я. Манандян и Р. Ачарян, «Новые армянские мученики (1155—1843)», Вагаршапат, 1903.*

³ Гр. Камахеци, «Хроника», Иерусалим, 1915, стр. 468.*

⁴ I. N. Uzunçarşılı, «Osmanlı devleti teşkilatından Kapıkulu ocakları», с. I, Ankara, 1943, s. 66—67. М. К. Зулалян, «Девширме (набор детей) в Османской империи по турецким и армянским источникам», Историко-филологический Журнал, Ереван, 1959, № 2—3, стр. 246—256*.

⁵ Michel Fébure, «L'état présent de la Turquie», Paris, 1675, p. 235—236 et 375—376.

войн, однако взимался каждый год); 3. Джейб акчеси (обязательный дар султану, когда он отправлялся на войну); 4. Тибн или Тебн (подать соломой, взимаемая для содержания коней правителя области — паши); 5. Орду (взимался каждый раз, когда паша отправлялся на войну); 6. Харадж (выплачивали все мужчины начиная с 14-ти лет, за право свободно исповедывать свою веру); 7. Шашаат (подать с роскоши, взимаемая за право ношения тюрбана, хотя и тюрбан по цвету всегда должен был отличаться от тех, которые носили мусульмане); 8. Шира (подать за молодое вино, которую взимали за право пить вино или хранить его у себя дома, но она взималась без разбора с пьющего и непьющего, имеющего вино и неимеющего). Однако, эти сведения Февюра носят крайне случайный характер и очень далеки от действительного отображения налоговой системы того времени. Известно, что в старой Турции налогов было несравненно больше и они были намного разнообразнее. Подразделялись они на две основные группы: налоги шариата и налоги обычая¹.

Помимо налогов на плечи народа тяжелым бременем ложился общий экономический гнет, который выражался в виде повсеместного и ничем не ограниченного насилия со стороны крупных и мелких представителей власти. «Под разными и невообразимыми предлогами совершается неслыханное и невиданное налогообложение и грабёж; имущество христиан захватывают без всякой пощады»;² «Вся жизнь турок — это насилие и бесчинства, и таким путем паши сильно обогащаются за счет имущества христиан и евреев, а царь — за счет имущества пашей»;³ «мы со всеми нашими семьями — их пленники из-за ложных, якобы неоплаченных долгов, ... и не имеем возможности уйти куда-либо»;⁴ «янычары были настолько жестоки, что не позволяли христианам садиться на коня или мула, носить богатую одежду, иметь сад или большой дом, все это они отбирали у них... таким страданиям и лишениям подвергали турки [армян], вследствие чего они страшно бедны и нищи, ибо их всегда лишают, грабят, штрафуют, клеветуют на них и требуют все больше и больше налогов»⁵ и т. д.

Однако в Западной Армении, в частности в начале XVII

¹ Abdürrahman Vefik, «Tekâlif kavaidi», Dersaadet, 1238. Ahmed Rasim, «Osmanlı tarihi», с. 3, Istanbul, 1329, s. 1154—1164, 1219—1230.

² Акоб Карнеци, стр. 30.*

³ Гос. Матенадаран, рукопись № 1496, стр. 3096.*

⁴ Гр. Камахеци, стр. 216.*

⁵ Симеон Лехацци, «Путевые записи», см. журн. Андэс Амсореа, 1934, стр. 158—159.*

столетия, в результате движения джелалиев, создано особенно критическое положение. Это движение, корни которого, разумеется, уходили в злополучную экономическую и социальную действительность Османской империи той эпохи, было одним из серьезных явлений, связанных с историей периода ее упадка. Примечательно, что в этом движении царил стихийность, тяжело отражавшаяся на положении армян. В исторической науке это движение принято считать крестьянским.¹ В настоящем труде мы, не касаясь вопросов о социальном характере этого движения (ибо это выходит за рамки нашего исследования), удовлетворились лишь привлечением фактических данных,² постольку, поскольку они были необходимы для освещения положения армянского народа. Армянские первоисточники единогласно свидетельствуют об опустошениях, чинимых в армянских областях. Аракел Даврижеци рассказывает, что «если они слышали, что где-то благоустроено, то врывались туда, грабили и опустошали, сжигали строения; от окрестностей Константинополя до Еревана, от Багдада до Демуркапу... столько стран они разрушили и осквернили». Даврижеци вторят все армянские авторы, современники этих событий. Мелкисет Себастици по поводу похода Кара-Языджи рассказывает, что «город и страна, с населением и скотом, имуществом и богатствами попали в руки кровожадного зверя, который безжалостно уничтожил много

¹ А. С. Тверитинова, «Восстание Кара Языджи—Дели Хасана в Турции», Москва—Ленинград, 1946.

² Армянские источники дают обильный материал, отображающий тяжелое положение народа в этот период: «Азария Саснеци, «Плач на разрушение восточных областей и страны Армянской от рук Джелалиев» (Андэс Амсорца, 1936, стр. 325—336); Степанос Тохатеци, «Плач и песнь на великий город Евдокию, называемый ныне Тохатом, куда заявился неверный и безбожный, грабитель и мятежник Делу Хасан Кара Языджи, который сжег и разрушил, разграбил и пополнил страну Армянскую и Греческую от Эдессы до Ускутара» и т. д. (см. Г. Алишан, «Айапатум», Венеция, 1901, ч. II, стр. 605—608); Акоб Батукеци, «Плач на город Евдокию, именуемый ныне Тохатом, сожженный и разрушенный неким безбожным Делу Хасаном» (см. там же, стр. 608—610); Григор Камахеци, «Хроника» (Иерусалим, 1915); Аракел Даврижеци, «История», гл. VII (Вагаршапат, 1896, стр. 79—92); Еремия Челеби Кемурджян, «Краткая 400-летняя история османских царей» (Гос. Матенадаран Арм. ССР, рук. № 1675, стр. 83а, 84б—90а, 92б—94а, 98б—99б); несколько хроник, опубликованных В. А. Акобяном — «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», в 2-х томах (Ереван, 1951 и 1956); большое множество памятных записей в рукописях данного периода и т. д.

христиан... так что Себастици (Сивас) со своей округой и областями долгое время оставалась безлюдной».¹ Та же участь постигла и Тохат во время похода Дели-Гасана, о чем обстоятельно рассказывают Степанос Тохатеци и Акоб Батукеци. По единодушному признанию современников, таким образом была разрушена и опустошена не только вся Западная Армения, но и районы Восточной Армении до озера Севан, находившиеся в этот период под властью турок. Описывая общую картину этих разрушений, современник событий Азария Саснеци пишет: «Они разрушили Армению до основания, до полного опустошения; с 1040 года (1591) по 1060 год (1611) они неопишными злодеяниями уничтожили страну армянскую». Следует отметить, что в этом случае создавшееся для армян положение обуславливалось не тем, что армяне были иноплемениками или иноверцами. Дело в том, что нескончаемые столкновения и большие сражения происходили на территориях, населенных армянами, и повстанческие силы нуждались в пропитании и амуниции, в лошадях и оружии, которые могли быть захвачены только у трудолюбивого и деловитого армянского населения городов и сел.

Эти события имели и другие последствия, первым из которых был голод. Даврижеци, рисуя трагические картины повсеместного голода, указывает, что люди стали есть даже мертвецов; во многих местах ловили и пожирали живых людей, а некоторые съедали даже собственных детей.² Другим последствием этого движения явилось ускорение нашествия персидского царя Шах-Аббаса I и предпринятое им насильственное переселение армян из многих районов Западной Армении (Зарапхана, Ширакаван, Заришат, Карс, Кагызван, Алашкерт, Эрзерум, Басен, Хнус, Маназкерт, Арцке, Арчеш, Беркри и все округа Вана) в Персию, происходившее в страшно тяжелых условиях.³ Непосредственным следствием создавшегося положения явилась и добровольная эмиграция армян из родной страны. Как свидетельствует очевидец Григор Камахеци, они «в страхе перед убийцами и жестокими мучителями, еле спасшиеся бегством из родных мест, с пустыми руками и оставив все имущество, голые и босые»⁴, двигались в двух основных направлениях: на восток, в районы Еревана, Гандзака (Гянджа), Тавриза и Ардебиля, и на запад, в Константинополь и его окрестности (Румелия)

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1875, стр. 2296.*

² Ар. Даврижеци, стр. 87—90.*

³ Там же, стр. 30—46.*

⁴ Гр. Камахеци, стр. 68—69.*

вплоть до Молдавии, Польши, Кипра и Родоса, до городов Кафа, Козлов, Венеция и др.¹

Такой злополучной картиной начинается история западных армян в XVII веке, когда в стране, как мы уже отметили выше, вследствие присущего султанскому строю налогового гнета, грабежей и национально-религиозных притеснений, царило тяжелое положение.

В подобных условиях, понятно, что затаенная потребность в свободе среди армянских народных масс должна была привести к усилению освободительных стремлений. В этот период политическое сознание армянского народа настолько созрело, что несчастье Армении рассматривалось как результат отсутствия своей собственной государственности. Идея восстановления армянского царства явно высказывалась армянскими авторами того времени (Саргис Хизанци, Акоб Батукец и др.).

Еще в 30-ых годах XVII века эти настроения начинают пробуждаться в атмосфере междоусобиц внутри западно-армянской буржуазии и раздоров среди духовенства, а в 60-ых годах оформляется освободительное движение под руководством буржуазии и под влиянием общественных движущих сил того времени.

Следует отметить, что одновременно освободительные стихийные движения на Востоке окрылялись слухами о крестовых походах с Запада. Планы же крестовых походов в ту пору были обусловлены исключительно интересами французского двора и папской дипломатии на Востоке.

Франция первая приобрела торговые привилегии в Турции по капитуляциям 1535 г. Подобные же привилегии несколько позже приобрели Англия (1593) и Голландия (1598 и 1612); и поскольку этим в начале XVII столетия был нанесен урон французской восточной торговле, которая значительно сократилась, то Франция начала борьбу против своих конкурентов — Англии и Голландии. К этой борьбе присоединилась и римская церковь, чьи интересы, в борьбе против реформации, также требовали искоренения английского и голландского влияния на Востоке. Таким образом, сутью крестовых движений, возбуждаемых римскими папами с начала XVII века, было завоевание Ближнего Востока силою оружия. Чтобы исполнить этот захватнический план, папы призывали их установить унию с Римом, не забывая ска-

¹ Ар. Даврижеци, стр. 88 и 147—148.* Гр. Камахеци, стр. 51 и 322—323.*

зать «святое» слово о французском оружии, внушая этим народам пустые и тщетные освободительные надежды.¹ Одним из видных деятелей, работавших в этом направлении, был Климент Галан, представитель римской Пропаганды, в совершенстве владевший армянским языком. В своей книге «Единение», изданной в 1661 г., он опубликовал пространный и в высшей степени трогательный призыв к армянскому народу, где заявлял, что «римляне придут и освободят ваш народ и вашу страну».² Эта агитация в самом деле окрыляла освободительные движения христианских народов Востока, в особенности в период Кандийской войны, когда крушение османского господства считалось неизбежным. Латинская ориентация у армян возникла еще во времена Киликийского армянского царства, когда установились тесные связи с крестоносцами (XI—XIII вв.). Именно в этот период появилось несколько литературных фальшивок, приписываемых более древнему времени, в которых надежды потерявших политическую независимость армян связывались с Западом. Такими фальшивками являлись «Грамота о союзе» (*Գրություն թուղթ*) (IV в.)³, якобы заключенном между Римской империей и Арменией. «Видение» армянского патриарха Нерсеса Партева (IV в.)⁴ и «Пророчество» некоего философа Агадрона, или Агафона (время неизвестно),⁵ в которых освобождение Армении связывалось с «франкским народом». Так что западная ориентация в XVII веке еще стояла на прочной основе и занимала господствующее положение в политических настроениях верхушечных слоев армянского общества.

¹ Об увещательных письмах папы Урбана VIII (1623—1644 гг.) христианским общинам Ливана и Сирии см. P. R. da Cesinale, «Storia delle Missioni dei Cappuccini», t. III, Roma, 1873, p. 214—215.

² Cl. Galanus, «Conciliationis Ecclesiae Armenae cum Romana», pars II, t. II, Romae, 1661, p. 363—370.

³ «Lettera dell'Amicitia e dell'Unione di Costantino Gran Cesare e di San Silvestro Sommo Pontefice, e di Tridade Rè dell'Armenia e di San Gregorio Illuminatore della Nazione Armena, scritta nell'anno del Signore 316», Venetia, 1683.

⁴ Этот текст сохранился в двух редакциях. Краткая редакция переведена на французский язык Н. Эмином: «Généalogie de la famille de St-Grégoire, illuminateur de l'Arménie, et Vie de St. Nersés, patriarche des Arméniens, par un auteur anonyme de Ve siècle», в следующем сборн.: V. Langlois, «Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie», vol. II, Paris, 1869, p. 17—44.

⁵ Гос. Матенадаран, рукопись № 1382, стр. 309а—318б.*

Такова была обстановка, когда в середине XVII столетия западные армяне, изнывавшие под вековым игом Турции, вместе с другими народами, разделявшими участь армянского народа, настроены были под руководством торговой буржуазии выступить на борьбу против турецкого деспотического владычества. Освободительный проект был основан на идее народного восстания, а для обеспечения успеха этого проекта нужно было заручиться помощью извне. Поэтому общественные слои, руководившие движением, связывали свои надежды с Кандийской войной и Людовиком XIV.

Глава I. Западноармянская буржуазия и ее передовое крыло — торговая буржуазия (ходжайство).

В тех областях Армении, которые находились под влаждением Турции, армянская национальная буржуазия частично зародилась из обломков древнего нахарарского дворянства, которые в условиях отсутствия армянской государственности постепенно лишились наследственных земель и потянулись к капиталу. В эпоху развития капитала армянская буржуазия пополнялась также выходцами из других прослоек.

В XVII веке западноармянская буржуазия была разделена на два крыла — ростовщическое и торговое, интересы которых сталкивались. Представители западноармянского ростовщического капитала, прозванные **челеби**, среди которых помимо прежних феодальных элементов были городские элементы, вышедшие из сословия ремесленников, являлись тем крылом, которое банкирскими сделками и придворным положением (придворные должности по различным видам ремесла) было тесно связано с османским двором и феодальной средой и тем самым приобрело огромное влияние как в Константинополе, так и в провинциях, но особенно в Константинополе, который был центром общественной деятельности западных армян. Челеби являлись армянской аристократией и, опираясь на свое положение при дворе, взяли в свои руки бразды правления армянской общественной жизнью (руководство национально-религиозными делами, первенствующая роль в духовно-культурных вопросах, регулирование сношений армянского народа с османским государством и т. д.). Представители западноармянского торгового капитала, которых звали **ходжа**, были связаны с мировым рынком. Это крыло, чье влияние в провинциях было большим, чем в Константинополе, конкурировало с челебиями, стремясь постепенно усилить свое влияние, утвердиться в столице и

проникнуть в ряды аристократии.¹ Это стало причиной острой борьбы в Константинополе.² Говоря о причинах возникновения антогонизма между обоими крылами, хорошо осведомленный Даврижеци пишет, что представители армянской знати — челеби, считающие себя старожилками Константинополя, «с надменностью и высокомерием презирали приезжих, считая их неотесанными и неспособными; они забрали в свои руки руководство всеми делами и таким образом не считались с приезжими, не допуская их к участию [в делах]». Однако «приезжая» знать — ходжи, «глубоко оскорбленные проявляемым к ним презрительным отношением», объявили непримиримую войну такому положению; «они боролись, постоянно нападая друг на друга, не скупясь на язвительные и гневные слова; и между ними установился и окреп раздор непримиримой и смертельной ненависти»; борьба, происходившая в столице, была настолько бурной, что «подобно бурлящему морю, неистово набегающим из пучины волнам, то громокая, вздымалась на гребни, то бушуя, разбивалась с грохотом, треском и ревом; словно громовые раскаты грозových туч, она сеяла огонь и приводила в содрогание всех смертных»⁴. Общественно-национальное значение этой борьбы было настолько велико, что ее эхо распространялось по

¹ В 1650-ых годах из шести кварталов Константинополя, где главным образом были сконцентрированы армяне, торговый район Галаты, вместе с церковью Св. Григория Просветителя, находился под властью ходжа; их называли *իշխաններ* (князьями) и *երեսփոխաններ* (вице-официалами), ср. Б. Кюлесерян, «Патриарх Ованес Колот», Вена, 1904, стр. 120.*

² Даврижеци, описывающий эти события, господствующую верхушку константинопольских армян, другими словами представителей обеих ветвей буржуазии, называет *ժողովրդական* («народники»), в смысле *իշխանավոր* (власть имущий) или *իշխող* (властвующий). Этого слова в армянских словарях нет. Однако нельзя путать слов *ժողովրդական* («народник») и *ժողովուրդ* (народ). Лео, не сумев заметить различия в этих словах и тем самым неправильно поняв сущность описываемых событий, пытался разглядеть в них зачатки классовой борьбы — между местным имущим армянским слоем Константинополя и пришедшим из областей пролетариатом (см. Лео, «История Армении», новейший период, ч. I, Ереван, 1926, стр. 58*.); тогда как это была не классовая борьба между имущим классом и «пролетариатом», а внутриклассовая — между двумя крылами буржуазии.

³ Ар. Даврижеци, стр. 334.*

⁴ Там же, стр. 334 и 336.*

областям и волновало все армянское население: «А слух об этих раздорах распространился и прошел по всем городам и селам, на востоке и западе, и не сходил с уст».¹

Эта неравная борьба, начавшаяся примерно в 1634 г. и продолжавшаяся еще в 50-ых годах, в конце концов закончилась победой челебиев, которые, как воротила ростовщического капитала, опирались на турецкую бюрократию и грубую силу османского государства. Сословие ходжа, сильно пострадав, было вытеснено из армянской общественной жизни. По словам историка, «многие, лишившись достатка и блага, родного очага и наследия, стали убоги и обездолены; некоторые умирали в тюрьмах и темницах; некоторые, становясь странниками, скитались на далекой чужбине, вдали от родных и знакомых, и так кончали жизнь свою»². Если вместе с этим тяжелым ударом, перенесенным торговым сословием ходжа на национально-общественном поприще, учесть еще и то обстоятельство, что при турецких порядках его положение было и без того невыносимым, то станет понятным, что в его лице армянская буржуазия, в поисках путей освободительной борьбы, поднимала голову против гнетущей атмосферы турецкого феодализма.

Глава II. Взаимоотношения западноармянской торговой буржуазии с духовенством и народом. Ее инициатива в освободительном движении.

Говоря об освободительном движении западных армян, необходимо также остановиться на взаимоотношениях армянской торговой буржуазии с другими общественными прослойками, и прежде всего с духовенством. В XVII столетии в западноармянской действительности господствующее положение после буржуазии принадлежало духовенству, в рядах которого также велась упорная междоусобная борьба, главной ареной которой являлся опять-таки Константинополь. На одной стороне, на позициях защиты самостоятельности армянской церкви, ее догматов и стародавних традиций, стоял исторический Эчмиадзин, а на другой стороне — Сис, потерявший свое первостепенное значение, являвшийся давнишней опорой западного влияния. Еще с того дня, когда в 1441 г. престол «патриаршества всех армян» из Сиса был перенесен в Эчмиадзин, Сис вступил в непримиримую борьбу с Эчмиад-

¹ Ар. Даврижеци, стр. 336.*

² Там же, стр. 336*.

зином и в этой борьбе прямо или косвенно стал опорой воинствующего католицизма.¹

Сисско-эчмиадзинская борьба не опиралась лишь на догматические и идейные концепции религиозного толка. В этой борьбе более всего отражались раздоры внутри западноармянской буржуазии и подчеркнутая обособленность образовавшихся внутри нее противоположных сил.

Это подтверждает историк Аракел Даврижеци, рассказывающий о распрях из-за армянского патриаршего престола в Константинополе в этот период. Он говорит, что в столице влиятельные армяне вели между собой непримиримую борьбу: «...одни боролись за одного кандидата в патриархи, другие же за другого, коварством своим становились опорой и защитником их» и, «обращаясь к дефтердеру, визирю и султану, давали им большие взятки и изгоняли противника».²

Каждое из двух крыльев западноармянской буржуазии в своей борьбе присоединилось к одному из двух противоборствующих течений, имевшихся в армянском духовенстве, и, таким образом, возникло два сильных буржуазно-клерикальных лагеря: ходжайско-сисский и челебийско-эчмиадзинский.

Среди западноармянского духовенства представители сисского направления являлись апологетами обновленческого движения, которое было настроено в пользу пересмотра нескольких догматических положений армянской церкви, на основе сближения с римской церковью, не нарушая при этом органической целостности армянской церкви и ее независимости в иерархическом плане. Сторонники сисского направления свои силы и средства поставили на службу освободительному движению, возглавляемому армянской прогрессивной буржуазией, имея в этот период в своих руках четыре западноармянских церковных престола — патриаршества Киликийское (или Сисское), Иерусалимское, Константинопольское и

¹ Эчмиадзин (ныне в пределах Армянской ССР) был одним из древних святых мест Армении и с 301 г. являлся первой резиденцией патриархов армянской церкви. Впоследствии, резиденция патриарха переносилась с места на место, пока в 1294 г. основалась в столице Киликийской Армении — Сисе (ныне в пределах Турции), а оттуда снова была перенесена в Эчмиадзин в 1441 г. Однако и после этого Сис продолжал сохранять и по сей день сохраняет свое существование уже местного значения под названием Киликийского или Сисского патриаршества, после Эчмиадзина, как второстепенный духовный центр.

² Ар. Даврижеци, стр. 335.*

Ахтамарское.¹ Одним из представителей этого течения являлся ученик агента римской Пропаганды Климента Галана — киликийский армянский патриарх Хачатур Галатаци, который в 60-ых годах имел тесные сношения с Римом и Парижем и прилагал серьезные усилия к подготовке почвы для освободительных начинаний. Другим представителем сисского течения являлся Егиазар Айнтапци, который был вовлечен в освободительное движение вышеупомянутым Хачатуром. Вопрос, будируемый Егиазаром (начиная с 1664 г.), об образовании отдельного, независимого от эчмиадзинского престола западноармянского патриаршего престола², представлял собою одно из звеньев в цепи того движения, которое возникло еще в 30-ых годах и с этого времени параллельно имело связь с прогрессивными брожениями внутри западноармянской буржуазии. Вопрос о самостоятельном патриаршестве был ничем иным, как отголоском освободительных стремлений или освободительного движения в церкви и среди духовенства.

Таким образом, армянская торговая буржуазия в лице духовенства сисского направления имела верного соратника, который ради успеха ее начинаний, путем сближения на религиозно-идеиной основе, стремился заручиться поддержкой римских пап и некоторых западных государств.

Что касается вопроса о взаимоотношениях торговой буржуазии с народными массами, то следует отметить, что здесь также имелся положительный момент. Торговая буржуазия, игравшая руководящую роль в национальной жизни армян, непосредственно соприкасалась с широкими слоями армянских областей и, ставя на службу армянской общественной жизни определенный процент своего экономического веса и неограниченных возможностей, пользовалась влиянием в этих областях. Представители торговой буржуазии, благодаря своему влиянию, к примеру, оказывали помощь народу, когда местные власти переходили всякую меру в налоговом грабеже армянского населения. Так, в 1671 г. ванские ходжи Алхас и Хачатур, обратившись к Высокой Порте, смогли уменьшить размеры ряда податей, а некоторые налоги и вовсе отменить;³ в Константинополе Магакия Амдеци, использовав

¹ В общеармянской церковной организации все эти престолы подчинялись «Патриарху всех армян» Эчмиадзина.

² Вопрос заключался в том, чтобы подчинить вышеупомянутые западноармянские церковные престолы предполагаемому «Западноармянскому патриаршеству».

³ Гос. Матенадаран, рукопись № 5835, стр. 253а—253б.*

свое влияние, способствовал ликвидации части «подати за греблю» (кюрек акчеси), тяжелым бременем ложившуюся на плечи тамошних армянских церквей¹, Ходжи часто помогали также народу, особенно во времена крупных бедствий и в случае общественных нужд, как, например, выкуп и освобождение армян из плена во время часто повторяющихся турецко-персидских войн², систематическое погашение национальных долгов, (какими были, к примеру, нескончаемые долги армянского Иерусалимского монастыря), которые ложились на плечи всех слоев народа³, и др. Передовое крыло армянской буржуазии — ходжайство сознавало необходимость распространения своего влияния и создания опоры среди армянского населения, ибо тем самым оно подготавливало себе почву, чтобы в случае необходимости широкие народные массы поднялись на борьбу под его знаменем.

Таким образом, сословие западноармянских ходжав, благодаря своей связи с другими социальными слоями, считало возможным в период двадцатипятилетней Кандийской войны выступить на арену под девизом освобождения родины и, начиная с 1666 г., решилось на смелый шаг — обратиться к внешнему миру с заявлением, что армяне, вместе с другими народами, разделявшими с ними общую участь, готовы восстать и сбросить тяжелое иго османской Турции.

Глава III. Политическая ситуация в Европе в 1645—1666 гг.

Кандийская война (1645—1669), которую вели между собой Османская империя и Венецианская республика, являлась самым крупным политическим событием своего времени и имела международное значение в самом широком смысле этого слова. В этой войне турки стремились достичь превосходства в бассейне Средиземного моря и вообще в Европе, что, естественно, тревожило ряд государств, которые в той или иной мере заступались за Венецию. Следует особо отметить прямую помощь, оказанную Венеции папской курией в течение всей войны и ее дипломатические усилия в этом направлении⁴. Тем самым Ватикан, используя также вооружен-

¹ См. «Архив истории Армении», кн. X, стр. 84.* Еремия Челеби Кемурджян, «История Стамбола», Вена, 1913, стр. 51—52*.

² Акоб Карнеци, стр. 34.*

³ Гр. Камахечи, стр. 325—326.

⁴ P. A. Guglielmotti, «Storia della marina pontificia», vol. VIII, Roma, 1893, lib. I—VI.

ную силу католических государств, стремился к торжеству интересов католицизма на Востоке. Правой рукой Рима являлась Франция Людовика XIV, которая в период Кандийской войны была активной союзницей Венеции против турок. Несмотря даже на то, что Венеция являлась соперницей Франции в торговле с Востоком и, следовательно, «Мазарини спокойно взирал на тревожное состояние венецианцев», все-таки первый министр Франции не мог желать, чтобы турки, «став хозяевами Кандии, приобрели бы господствующее положение в Средиземноморье»; поэтому он решает с одной стороны сохранять свои отношения с Высокой Портой, с тем, чтобы французская торговля «воспользовалась замешательством венецианцев», а с другой стороны тайными путями «препятствовать успехам турок». ¹ С самого начала войны французы оказывали помощь Венеции, субсидируя Кандию деньгами, посылая боевые суда (под венецианскими знаменами) и разрешая Сенату Республики производить во Франции вербовку солдат для той же цели; все это, разумеется, держалось в глубокой тайне. ² Позднее, в 1659 году обнаружение нескольких шифрованных писем показало, что французский посол в Константинополе Жан де Ла Гей посылал венецианскому правительству тайные сведения относительно проектов турок. ³ В следующем, 1660 году в Кандию тайно было отправлено 4000 французских солдат под папским знаменем ⁴.

Таким образом, не учитывая даже того, что интересы французской торговли на Востоке в ее борьбе против англо-голландской торговли вынуждали Францию вести захватническую политику в отношении Ближнего Востока, можно сказать, что она, как одна из великих государств христианского Запада, была сильно заинтересована в этой длительной Кандийской войне. Людовик XIV и его министр Мазарини (ум. 1661 г.) разрабатывали планы сокрушения возрастающей мощи Османской империи, и одной из задач этих планов был захват островов Эгейского архипелага и закрытие пути к Средиземноморскому бассейну ⁵.

¹ Th. Lavallée, «Histoire de l'Empire Ottoman», Paris, 1855, p. 303.

² Ibidem, стр. 304. Cp. C. Cantu, «Histoire universelle», t. XVI, Paris, 1865, p. 402.

³ Chev. Chardin, «Voyages», Paris, 1811, p. 30—33. Marquis de Bonnac, «Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople», Paris, 1894, p. 19—22.

⁴ P. A. Guglielmotti, t. VIII, p. 247—248 e 250.

⁵ Revue d'Histoire Diplomatique, XVIIe année, 1903, p. 365.

Мы не говорим о других государствах, которые также восторженно откликнулись на политику пап в отношении Кандии, как например, об Испании, которая, однако, была скупа в выполнении своих обещаний, об итальянских государствах, некоторых немецких курфюршествах и т. д.; но по сравнению с ними первое место принадлежало Франции.

Такова была политическая обстановка в Европе в начале второй половины XVII столетия. И в этот период по поводу Кандийской войны повсюду трубили о крестовом походе против турок.

Глава IV. Призывы к крестовому походу и греко-армянское движение.

Наряду со слухами о крестовом походе латинские миссионеры развернули бурную деятельность с целью разжечь среди христианских народов Востока надежды на освобождение. Хорошо зная недовольство этих народов, они стремились вызвать в Османской империи внутренние волнения и повстанческие движения в пользу Кандийской войны; для успешной пропаганды миссионеры старались убедить восточные христианские народы в том, что христианство Запада, под предводительством римского папы, скоро освободит их от господства мусульман, если они признают верховенство Ватикана. Таким путем в 60-ых годах агенты папы Александра VII и короля Людовика XIV сумели установить тесные связи с руководителями трех христианских общин на Востоке, а именно с киликийским армянским патриархом Галатаци, с антиохийским греческим патриархом Макарием и патриархом сирийцев-яковитов Андреем, которые, посылая римскому папе «грамоты об исповедании веры» и обращения к французскому королю, просили от имени своих народов помочь им освободиться от турецкого ига. ¹ Например, Хачатур Галатаци в письме к Людовику XIV (от 12-го февраля 1663 г.) говорил: «Пусть всевышний... внушит вашему сердцу чувства веры для освобождения всех христиан и в особенности нашего бедного народа, дабы иметь счастье умереть в правдивой вере и со спокойной душой»; и далее он добавляет: «Мы надемся и верим, что наше освобождение придет из ваших благословенных рук». ² Та же мысль проводилась в письмах грече-

¹ См. P. R. da Cesinale, t. III, p. 200. «Documents inédits pour servir à l'histoire du christianisme en Orient (XVI—XIX siècles)», publiés par le P. Antoine Rabbath, t. I, Paris, 1907, p. 450—468.

² «Documents inédits», t. I, p. 472.

ского и сирийского патриархов. Французский консул в Алеппо Франсуа Барон в рекомендательном письме к Людовику XIV (от 23-го июля 1663 г.) об упомянутых личностях писал, что они «надеются в ваше царствование освободиться от тирании, под игом которой их народы стонут вот уже несколько веков».¹

Ясно, что на настроения и без того стремящихся к свободе страждущих народов Ближнего Востока сильное воздействие оказывала западная пропаганда, переплетающаяся со слухами о крестовых походах, которые были столь обычными для Европы после падения Константинополя (1453 г.). Особенно в некоторых из проектов крестовых походов, составленных в XVII веке, таких, как проекты Сюли, Де Брева и Тюренна, прямо высказывалась мысль о главенствующей роли французских монархов в крестовых движениях². В частности проект маршала-генерала Тюренна, опубликованный в 1663 году, еще больше укреплял надежды, связанные с внешним походом. Одновременно и Кандийская война, которая непрерывно велась с 1645 года, воспринималась христианским Востоком как факт решительных действий Европы против турок и внушала надежды на скорую «победу креста».

Такова была обстановка, когда западноармянская торговая буржуазия перешла к делу. Из сведений, сообщаемых современным итальянским историографом Булгарини, известно, что «некий армянский дворянин, муж талантливый и твердой воли», в 1666 г. в качестве делегата прибывает в Париж с большим проектом армяно-греческого восстания. С рекомендательными письмами александрийского греческого патриарха Паисия и его общего викария Козьмы Палеолога, он представился в Париже Доминику Оттоману, прозванному Патер Оттоман, «чтобы поощрить его в деле восстановления Восточной империи», заявляя, что в условиях крестового движения в данный период «провинции Греции и большая часть Армении, населенные преимущественно христианами и охраняемые малочисленными турецкими гарнизонами, сбросят османское иго и объявят его (т. е. Доминика Оттомана) царем»; к этому он добавил, что для успеха дела, кроме вооруженных сил латинских стран, их проект предусматривает также «привести в движение москвитян, валахов, эфиопов, т. е. население целого полушария, для вторжения в Осман-

¹ «Documents inédits», t. I, p. 477.

² Ср. Т. G. Djuvara, «Cent projets de partage de la Turquie (1281—1913)», Paris, 1914, p. 163—171, 202—208 et 215—220.

скую империю с разных сторон».¹ Спустя некоторое время в Париж прибывает и сам Козьма Палеолог, считавшийся отпрыском византийских Палеологов.

Глава V. Личность армянского делегата и его социальное положение.

Кто же был этот «армянский дворянин», которого упоминает Булгарини? К сожалению, наши сведения, касающиеся личности армянского делегата—крайне бедны. Тем не менее, с помощью первоисточников можно пролить некоторый свет на вопрос, касающийся его личности, общественного лица и положения.

Булгарини не называет имени «армянского дворянина». Первые попытки выяснения его имени предпринял Г. Мисак.² Опираясь на неопубликованное письмо Козьмы Палеолога от 25-го ноября 1666 г. к министру Кольберу, хранящееся в Парижской Национальной Библиотеке,³ из которого явствует, что Палеолог прибыл в это время в Париж с неким армянином по имени Chazi Murat, Г. Мисак утверждает, что последний мог быть армянским дворянином, которого упоминает Булгарини. Это отождествление хотя и было убедительным и к нему одобрительно отнесся также историк Маторез,⁴ однако, первая часть этого имени — chazi, которая в статье Мисака на французском языке читалась как **шази**, по своему внешнему виду не была распознаваема. Впоследствии, достав копию этого документа, для нас стало ясно, что письмо было написано по-итальянски, следовательно слово chazi нужно было читать не **шази**, а **хадзи** (согласно произношению, свойственному грекам), то есть хаджи, слово арабского происхождения (означает «паломник», «христианин, отправившийся на паломничество в Иерусалим»). Эпитет хаджи употреблялся у армян, но они в том же значении равно употребляли слово **махтеси**, которое также шло от арабского, **макдиси** или **макдеси** (значит «иерусалимец» «иерусалимский»). С таким уточнением «армянский дворянин» должен был зваться Хаджи Мурад или Махтеси Мурад⁵. Установив это, не трудно

¹ P. O. Bulgarini, «Vita del Padre maestro F. Domenico di S. Tommaso...», Napoli, 1689, p. 285.

² Revue d'Histoire Diplomatique, XVIIe année, 1903, p. 372.

³ Bibliothèque Nationale de Paris, Mélanges Colbert, vol. 142, fol. 175.

⁴ Revue des Etudes Arméniennes, t. II, 1922, p. 86.

⁵ См. нашу статью в Известиях АН Арм. ССР, обществ. науки, 1954, № 3, стр. 94.*

было заметить, что он и армянский делегат, который позднее, в 1672 и 1683 годах находился в Париже, — одна и та же личность; в 1672 году он фигурирует под именем Хаджи Мурада, а в 1683 году — Махтеси Мурада или Махтеси Шахмурада из города Вашега (см. последующие IX и X главы).

Что касается его социального положения, то об этом также имеются сведения в вышеупомянутом документе Парижской Национальной Библиотеки, касающемся личных дел Козьмы Палеолога и Махтеси Мурада. Из письма выясняется, что они имели тяжбы с французскими корсарами. Старший французский корсар Кривилье ограбил Махтеси Мурада и слугу Палеолога Николая, а корсар рыцарь Полли захватил одну из бригантин, принадлежавших отцу Палеолога; а теперь они требовали возмещения ущерба, несомненно на том основании, что они не принадлежали к враждующей нации. Это обстоятельство свидетельствует о том, что Махтеси Мурад был купцом, и крупным купцом, поскольку Палеолог о нем говорит, что «он общеизвестный человек во всей Турции, в Канее он освободил множество пленных французов, и его сам султан также знает».

Ясно, что Махтеси Мурад был одним из тех знатных купцов армянского города Багеша, о которых Григор Камахеци говорит, что они «были умными и мудрыми купцами, видными и известными господами», среди которых были «очень прославленные и почтенные люди».¹ Таким образом, Шахмурад выступает как один из представителей армянской торговой буржуазии.

Таким образом, западноармянская торговая буржуазия, выступившая на арене под девизом освобождения армянского народа, вынуждена была искать союзников во внешнем мире, и с этой целью выдвигала, с одной стороны, предводителей единомышленного духовенства, для того, чтобы они путем догматических уступок создали бы благоприятную почву в католической Европе, а с другой стороны, для прямого проведения в жизнь своих проектов, она выдвинула одного из видных представителей своего сословия — крупного купца из города Багеша Махтеси Мурада (Шахмурада), того «армянского дворянина», который в 1666 г. отправился в Париж, чтобы заявить о готовности армян, вместе с греками, поднять восстание против Османской империи, на случай, если Доминик Оттоман согласится возглавить это движение. Какова же, однако, личность Доминика Оттомана?

¹ Гр. Камахеци, стр. 325 и 389.*

Глава VI. Патер Доминик Оттоман.

Доминик Оттоман был политическим авантюристом. О нем много говорили и писали современники — Булгарини,¹ рыцарь де Жан,² Бюле,³ Райкот⁴ и многие другие.

В шестимесячном возрасте (1645 г.) он попал в плен к мальтийским рыцарям. Звали его Османом. Этот младенец-турок был принят за сына султана Ибрагима и, следовательно, считался братом султана Магомета IV. Получив воспитание и образование в одном из мальтийских монастырей, он стал членом Доминиканского ордена и был известен под именем Патера Доминика Оттомана. В 1660—1664 гг. он изучал философию в Риме, где для него и открылось поле для политической карьеры. Первый министр Франции Мазарини, узнав о существовании этого турецкого «принца», решил предложить Людовику XIV использовать его в предполагаемой войне против турок. И так, в это время, когда с новой силой вспыхнула Кандийская война, поднимая крестовые настроения, решено было отправить Доминика Оттомана в Париж.

30-го августа 1664 года Доминик Оттоман отправился из Рима во Флоренцию, где с большими почестями был принят великим герцогом Тосканским и высокопоставленными лицами его двора. Таких же почестей по пути он удостоивается во всех городах — в Болонье, Модене, Парме, Плаченции, Милане и др., и доходит до Турина. Отсюда в начале ноября он отправляется в Лион, а оттуда в Париж, куда прибывает 27-го января 1665 года.

Во французской столице Доминик Оттоман был принят с большой пышностью. Его встречают толпы народа и множество видных людей. 7-го февраля Людовик XIV устраивает прием, где Доминику Оттоману оказывают королевские почести; затем его сопровождают к матери-королеве, а на следующий день его принимает королева. Он посещает брата короля, герцога Орлеанского — Филиппа. Послы иностранных госу-

¹ P. O. Bulgarini, «Vita del Padre maestro F. Domenico di S. Tommaso dell'Ordine de Predicatori, detto prima sultan Osman Ottomano, figlio d'Ibraim, Imperatore de Turchi», Napoli, 1689.

² Chev. de Jant, «L'Histoire du Prince Osman, fils du Sultan Ibrahim, empereur des Turcs», Paris, 1670.

³ P. J. Bullet, «Vie du P. Dominique de St. Thomas, fils d'Ibrahim, empereur des Turcs», Besançon, 1719.

⁴ Chev. Ricaut, «Histoire des trois derniers empereurs des Turcs, depuis 1623 jusqu'à 1677», t. II, Paris, 1682. p. 61: «Histoire du Père Ottoman et origine de la guerre de Candie».

дарств, папский нунций и архиепископ Парижа наносят ему визиты в монастыре Якобинцев, где он остановился. Он постоянно был окружен мальтийскими рыцарями.

Таким образом, Доминик Оттоман от Рима до Парижа прошел славный путь. Он стал «героем» дня. Он был той личностью, которую лелеяла и выдвинула европейская дипломатия для приведения в исполнение своих политических планов. Патер Оттоман рассматривался в качестве верного средства для успешной борьбы против Османского государства.

Вот к этой личности и обратился в то время армянский делегат в Париже с целью поощрить его «в деле восстановления Восточной империи» и заверить, что греки и армяне Османской империи, если им будет оказана помощь, «сбросят османское иго и провозгласят его (т. е. Доминика Оттомана) султаном».

Глава VII. Проект Доминика Оттомана. Кандия и армянский вопрос. Вопрос об участии России.

Доминик Оттоман оставался в Париже 2 года и шесть месяцев. Все это время мысль об его использовании властвует во французской столице. Разрабатываются проекты, связанные с ним и вместе с ним, но определенного плана все еще не было. В этом отношении проект, привезенный армянским делегатом, сыграл определенную роль.

«Дело восстановления Восточной империи», как видно из сведений Булгарини, в армяно-греческом проекте основывалось на двух факторах: изнутри — восстание армянского и греческого народов, а извне — военный поход. Вооруженное восстание и крестовый поход рассматривались как объединенное, единое движение, которое под предводительством Доминика Оттомана должно было разгромить Османскую империю и на ее руинах восстановить бывшую Восточную империю.

Одним из характерных моментов армяно-греческого проекта было то, что, хотя надежды освободительного движения Армении и Греции связывались с крестовыми походами Запада, участие России в этом начинании также считалось необходимым: Доминик Оттоман должен был возглавлять крестовый поход, и в этом походе непременно должен был участвовать российский царь. Доминику Оттоману в Париже об этом прежде всего сообщил армянский делегат Мурад

(Шахмурад), указав, что они стремятся «привести в движение и москвитян» (1666).¹ То же самое говорят и некоторые другие документы. Будучи в Париже, Козьма Палеолог в одном своем письме, направленном Доминику Оттоману (1666), выражал готовность лично, в качестве посла, отправиться к московскому царю,² а Доминик Оттоман при личных встречах не только дал ему на это свое согласие, но и, в этой связи, некоторые поручения. В другом письме (весной 1667 г.) Палеолог сообщал, что собирается выехать в Московию.³ Из письма Григория Василия, сына воеводы Валахии (декабрь 1666 г.) видно, что посольство, которое намечалось отправить в Москву, ждало известий от александрийского патриарха Паисия,⁴ находившегося в то время в Москве по вопросу Никона. Патриарх Паисий, представителями которого в Париже являлись Шахмурад и Козьма Палеолог, сам в то время вел предварительные переговоры при дворе русского царя.

Следует отметить, что греки придавали большое значение участию России в деле освобождения Греции. Вмешательство православной России было их давней мечтой. Но если, вопреки этому стремлению, греки иногда свои взоры обращали в сторону католической Европы, как это было на этот раз, то только потому, что в силу сложившихся политических условий им казалось, что именно с этой стороны могла ожидать близкая помощь. Во всяком случае существовали прочные греко-русские политические связи. Здесь интересно то, что с вопросом греко-русских отношений сочетается вопрос армяно-русских отношений, поскольку в данный момент освободительное движение греков и предпринимаемые ими шаги сливались с армянскими освободительными усилиями, составляя единое целое. Неслучайно также, что именно в это время был заключен известный торговый договор между Армянским торговым обществом в Новой Джульфе и русским государством (1667 г.), договор, который ставил на широкие основы торговые сношения армян (в данном случае восточных армян) с Россией, открывая двери для политических сношений, которые, как известно, впоследствии обусловили политическую ориентацию армян на Россию (начало XVIII столетия). Но при обстоятельствах армяно-греческого союза особенностью заключается в том, что попытки установления армяно-русских

¹ P. O. Bulgarini, p. 285.

² Ibidem, p. 286.

³ Ibidem, p. 288.

⁴ Ibidem, p. 288.

политических сношений делаются уже западными армянами.

Как было сказано, армяно-греческий освободительный проект состоял из двух основных частей — вооруженное восстание изнутри и крестовый поход извне. Венецианский посол в Париже М. А. Джустиниани, развивая этот проект на основе реальных возможностей, вносит в него конструктивность, связав его с Кандийской войной, причем предлагалось «посадить этого молодого человека (т. е. Доминика Оттомана) на флотилию и попытаться произвести диверсионный удар на Востоке в пользу Кандии и всего христианского мира».¹ Этот план, составленный как дополнение к проекту, предложенному Востоком, был одобрен Ватиканом и венецианским правительством. Именно согласно этому плану Доминик Оттоман, после посещения Венеции и Рима, в мае 1668 г. с папской флотилией прибывает в Кандию. В одном из своих писем (от 14-го апреля 1668 г.)² венецианский посол в Риме А. Гримани, поясняя предложенный план, говорит, что прибыв на Крит, выступив перед османской армией и обратившись письменно к ее руководству, Доминик Оттоман сумеет создать перелом в войне; одновременно он, выдвинув свою кандидатуру на османский престол и использовав настроения недовольных элементов в империи, в особенности среди христианских народов, сможет вызвать могучее движение против разлагавшейся монархии Магомета IV.

Этот авантюристический план в самом деле был разыгран в Кандии, но, конечно, не дал какого-либо результата. Вместе с этой неудавшейся попыткой рушатся и все расчеты, связанные с именем Доминика Оттомана, а спустя некоторое время, с падением Кандии (6-го сентября 1669 г.) и все надежды, связанные с Кандийской войной.

Заметим, что во время Кандийской войны армянский вопрос поднимался не только в Париже. Армяне одновременно входили в сношения с венецианскими властями на Крите. Упоминаются визиты, наносимые в Кандии Хачатуром Галатаци верховному командующему венецианской армии Франческо Морозини, в первый раз в 1657 г.,³ а во второй — в 1668 году.⁴

¹ P. A. Guglielmotti, vol. VIII, p. 294.

² Revue d'Histoire Diplomatique, XVIIe année, 1903, p. 372—373.

³ Г. Алишан, «Ай-Венет», Венеция, 1896, стр. 179.*

⁴ М. Авгерян, «Полное собрание житий и мученичества святых», т. VI, Венеция, 1813, стр. 19.*

Глава VIII. Политика Франции на Востоке после Кандийской войны и новое направление в решении армянского вопроса.

После неудачного исхода Кандийской войны западные армяне не сходят с освободительного пути. В этот период руководство движением вносит важное уточнение в области дипломатических переговоров. Если во время Кандийской войны Франция Людовика XIV выступала как основная опора армянских надежд, то теперь она рассматривалась как единственная опора.

После Кандийской войны армянский делегат Шахмурад продолжал оставаться в Париже, учитывая кажущийся благоприятным для своего дела ход французской восточной политики. Со своим планом армянского восстания он уже был известен при французском дворе, а поощрение подобных настроений или движений соответствовало внешней политике Франции, проводимой в отношении Турции.

Хотя и позиция Франции определилась уже во время Кандийской войны и французы тайным образом оказывали помощь венецианцам, но тем не менее они сохраняли дипломатические отношения с Высокой Портой. Однако в 1660-ых годах эти отношения уже были очень натянутыми. Одной из главных причин исключительной напряженности отношений между ними являлось решительное сопротивление турок возобновлению капитуляций и требованию открыть путь в Индию французским купцам через Египет и Красное море.¹ В результате, во время посольства де Нуантеля, в начале 70-ых годов, над Турцией нависла прямая угроза войны.² В это время, как рассказывает Шарден, в Марселе было созвано собрание, на которое были приглашены все купцы, торговавшие с Востоком, и люди, осведомленные в делах Турции; здесь был поднят вопрос о необходимости организации военного похода.³ Атмосфера была в высшей степени напряженной. Известный немецкий философ Лейбниц в послании, направленном Людовику XIV в январе 1672 года, обращал его внимание на перспективы, связанные с захватом Египта, считая, что благодаря этому, падет Османская империя и освободится Вос-

¹ Marquis de Bonnac, p. 24. Th. Lavallée, p. 319.

² J. de Hammer, «Histoire de l'Empire Ottoman», t. III, Paris, 1842, p. 135—137.

³ Chev. Chardin, t. I, p. 61.

Анатолии и оказать сопротивление, пока не придут христианские войска, так как угнетения, насилия и притеснения уже перешли все границы в этой стране, и народы больше не могут терпеть это рабство и решили избавиться от него». Махтеси Мурад поименно называет эти народы: «собственно греки (несомненно, речь идет о греках, проживающих на территории бывшей Византийской империи, включая и греков Малой Азии), «черноморские греки» (греческое население, живущее на территории бывшей Трапезундской империи), грузины (несомненно, население областей восточной Грузии — Имеретии, Гурии и Мингрелии) и сирийцы (яковиты). Значит, армянские руководители продолжали поддерживать связи с руководителями соседних народов для того, чтобы в сотрудничестве с ними завершить общее дело освобождения. В своем обращении Махтеси Мурад говорит, между прочим, о том, что армянские «патриархи, как и знатные люди» уже «много раз писали» королю Франции о тяжелом положении армянского народа и просили его помощи: об этом ранее он сам «по долгу службы» сообщал ему. Затем он добавляет: «Ходжа Аракел, который является коллегой Вашего слуги и вернулся с Востока, сообщает, что влиятельные люди Армении постоянно ждут прибытия войск Вашего Величества и поддерживают контакты с правителями пограничных персидских областей».

Освободительный проект у Шахмурада был тот же, что и в 1666 г., т. е. вооруженное восстание народов и спасительный поход извне, который на этот раз должен был осуществляться под предводительством французского короля; и во время этого похода французская армия заняла бы Константинополь, русские же напали бы на Трапезунд, а персы должны были начать вторжение в багдадском направлении.

Но была ли гарантия в том, что Франция возглавит этот поход? На деле, вопреки видимым признакам, в этот период восточный вопрос во Франции не получил остроты, так как, прежде всего, Кольбер и министр иностранных дел де Лион решительно сопротивлялись планам Людовика XIV восстановления Восточной империи под скипетром Бурбонов, отдавая секретные инструкции французскому послу в Константинополе де Нуантелю всеми средствами сохранить мир¹: существование Османской империи последователи Кольбера и де Лиона считали необходимым для сохранения равновесия в Европе, и франко-турецкую дружбу считали реальным сред-

ством достижения перевеса Франции над Австрией.¹ Затем война с Голландией, начавшаяся весной 1672 г., отодвинула на второй план восточный вопрос. Кроме того, завоевание Голландии, весть о котором, как гром среди ясного неба, прокатилась по всему Востоку, сделало более грозной позицию Франции в отношении Турции, которая под влиянием страха была вынуждена подписать капитуляцию в июне 1673 г.,² а подписанием новых капитуляций исчезала одна из серьезных причин раздора. Однако, как замечает Т. Лавалэ, даже в период после подписания капитуляций 1673 г. Людовик XIV еще не освободился от мысли, что «страны Средиземноморского бассейна суть христианские страны, которые должны быть под влиянием или под господством Франции»³ — мысль, которая вообще царил в господствующих сословиях Франции. В 1675 г. Мишель Фебур в своей книге «Современное положение Турции», продолжая рассматривать восточный вопрос, заявлял, что Людовик XIV считается будущим завоевателем этой страны.⁴ Эту же мысль повторял также Г. Лонго в 1679 г.⁵

Таким образом, в течение 70-ых годов восточный вопрос продолжал серьезно занимать умы во Франции и, начиная с 1672 г., внушал новые надежды армянскому представителю. Однако война с Голландией затянулась, и только в годы, последовавшие за договором Нимвегена (1678—1679 гг.), после того, как Людовик XIV через «Совещательные палаты» в ряде районов округлял свои завоевания и овладел Страсбургом в Казале, он счел, что уже настало время заняться турецким вопросом, и предложил свою помощь императору Леопольду I в 1682 г., когда турки из Венгрии продвигались в Германию. В это время мы вновь встречаемся с армянским делегатом во французской столице.

Глава X. Махтеси Мурад, или Шахмурад, и Ованес Тунджи в Версале (1683 г.).

Нам известен литературный памятник XVII века, автор которого себя называет Махтеси Шахмурадом (Мурадом).⁶

¹ Th. Lavallée, p. 324.

² Ibidem, p. 322—323.

³ Ibidem, p. 323.

⁴ M. Fébure, см. посвященные книги Людовику XIV.

⁵ «Quelques discours et lettres», p. 101.

⁶ «Описание Версаля в армянской рукописи 1683 года» (изд. И. А. Орбели), Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ., т. I, Петроград, 1921, стр. 391—399. В одном из списков оригинала имя автора — Мурад, см. Гос. Матенадаран, рукопись № 6273, стр. 503а.*

¹ N. Rocca, «La France en Orient depuis les rois francs jusqu'à nos jours», Paris, 1876, p. 107.

Из этого памятника мы узнаем, что 2-го февраля 1683 г. автор вместе с несколькими армянскими деятелями — Ованесом Тутунджи, Закарием Сисианци, Джузепом Алеппи, Согомом Левоняном и другими посещает Версальский дворец. На следующий день, 3-го февраля, он вместе с Джузепом Алеппи получает от брата короля герцога Орлеанского Филиппа и его жены Елизаветы-Шарлотты приглашение посетить также их дворцы в Сен-Клу.

Нет сомнения, что этот Махтеси Шахмурад (или Мурад) и известный уже нам армянский делегат Махтеси Мурад — одно и то же лицо. Действительно, радушный и пышный прием, оказанный ему в Версале и Сен-Клу, свидетельствует о том, что его на самом деле хорошо знали при французском дворе.

Несмотря на то, что памятник в основном посвящен описанию Версаля (посещение состоялось по поводу открытия Версальского дворца), он содержит также сведения исторического характера, рассмотрение которых убеждает нас в том, что находившиеся в Версале вместе с Махтеси Мурадом (Шахмурадом) армяне составляли армянскую делегацию,

Во-первых, отметим, что Джузеп Алеппи, как говорит Махтеси Мурад, был их переводчиком. Закария Сисианци был учеником латинского миссионера Климента Галана, следовательно, принадлежал к латинофильской группировке армянского духовенства того времени, т. е. к сисскому течению. Он пользовался известностью своими литературными трудами.¹ Согомон Левонян был известным книгопечатником, который с 1674 г. возглавлял армянскую типографию в Марселе. Более видным лицом был Ованес Тутунджи, который в 1666 г., когда Махтеси Мурад был отправлен в Европу с проектом армяно-греческого восстания, был армянским патриархом в Константинополе, следовательно являлся личностью, связанной с этим проектом. Впоследствии в 1670—1672 гг. он был патриархом Ахтамара. Об Ованесе Тутунджи один анонимный хронист сообщает, что «он стал главой франкского народа и пошел на турок».² Он также являлся одним из представителей сисского течения в западноармянском духовенстве. Учитывая эти обстоятельства, нужно отметить, что он не был случайным человеком в Версале и не случайна была также его встреча там с Шахмурадом, тем более, что по свидетельству современника Лудольфа он был «другом» Мурада и что

¹ В 1683 г. в Марселе он печатал свое произведение — «Краткая хронография».*

² См. «Архив истории Армении», кн. X, стр. 105.*

еще до этого, «примерно четыре года тому назад» они уже встречались в Париже.¹ Ныне (1683 г.), вновь приехав в Париж и, в особенности, пользуясь новыми обстоятельствами, которые могли бы сыграть определенную роль в деле успешного решения армянского вопроса, он пытался лично повлиять на ход переговоров, начатых с 1666 г., с дней его патриаршества, благодаря усилиям Махтеси Мурада.

В самом деле, время казалось самым благоприятным с этой точки зрения. Турецкая армия, наводнив австрийские территории, вновь угрожала Вене. Людовик XIV намеревался с большой армией пойти на помощь императору Леопольду, собираясь, как утверждает венецианец Фоскарини, «перейти в Германию, приостановить продвижение варваров и очистить от них Германию».² Таков был ход событий в общем плане.

А для армян, в частности, казалось, складывались благоприятные условия во Франции. Людовик XIV, вновь обратившись к турецкому вопросу, оказывал армянам особое внимание. Это нашло свое выражение в возникновении за последние годы «арменофильского» движения в Париже в противовес Марселю.

Следует сказать, что в Марселе в прошлом имело место большое антиармянское движение, причиной которого было то, что там армянские купцы стали опасными конкурентами для местных купцов, и из-за этого, на основании жалоб Торговой палаты Марселя, совет города в 1622 г. вынес решение, согласно которому, французским судовладельцам строго запрещалось принимать армян на свои суда. А парламент Прованса, дав ход этим же настроениям, запретил армянам вывозить из страны в виде золота и серебра, даже по банковским чекам выручку, полученную от продажи товаров.³ Эта борьба против армян в Марселе в течении очень долгого времени носила последовательный характер⁴, а начиная с 1650 г. для них была даже установлена пятипроцентная дополнительная пошлина,⁵ «для того, чтобы вынудить их отказаться от посещения этой страны», как открыто сказано в одном доку-

¹ «Ludolfi ad suam Historiam aethiopicam antehac editam Commentarius», Francof.-ad-Moenum, 1691, p. 265.

² E. Lavisse, «Histoire de France», t. VII, 2me partie, Paris, 1911, p. 361.

³ Соответствующие документы см. Revue des Etudes Arméniennes, t. II, 1922, p. 14—20.

⁴ Многочисленные документы см. там же, стр. 22—41.

⁵ Ch.-D. Tékéian, «Marseille, la Provence et les Arméniens», Marseille, 1929, p. 17—18.

менте 1652 г.¹ Именно поэтому и армянская типография, основанная там в 70-ых годах, встретила с большими трудностями; местные купцы вели против нее борьбу через римскую инквизицию.

Однако теперь, в связи со строгостями в отношении армянской типографии в Марселе, Париж повел открытую борьбу против Марселя. В защиту интересов армян выступили такие видные деятели Парижа, как ученый-театинец Луи Пиду, лишь благодаря авторитетному вмешательству которого был снят запрет викария Марсельской епархии де Босе на печатание Псалтыря на армянском языке и было отменено решение об уничтожении опубликованных экземпляров (1676/77 гг.)²; затем доктор Пик из Сорбонны, который в 1681 г. в различных письмах искусно и смело защищал интересы армян; архиепископ д'Этамп, который в мае 1682 г., после его избрания предводителем Марсельской епархии, начал требовать от де Босе ответа за беззакония в отношении армян³; а также известный ученый и оратор Ришар Симон, который выступил 20 и 28 сентября 1683 г. с письмами в защиту армян⁴.

Именно в этот благоприятный период Ованес Тутунджи улучшил момент вновь заняться вопросом об освобождении армян.

В связи с делами марсельской армянской типографии имя Ованеса Тутунджи встречается в ряде документов,⁵ где он именуется «посланником патриарха Армении» и носит титул архиепископа Шамирамакерта (Самирама).⁶ Согласно этим документам, он успешно улаживает вопрос типографии; Людовик XIV, желая «пойти навстречу упомянутому патриарху (Армении) и всему армянскому народу», 3-го января и 5-го февраля 1683 г. посылает своему интенданту в Провансе Морану два указа о полном восстановлении прав типографии.

¹ H. Samuélian, «Les Arméniens en France depuis les origines jusqu'à nos jours», Le Foyer, IIIe année, № 35, Paris, 1er Avril 1930.

² F. Macler, «Mosaïque orientale», p. 61.

³ Г. Зарбаналян, «История армянского книгопечатания», Венеция, 1895, стр. 125.*

⁴ Там же, стр. 129.*

⁵ F. Macler, «Mosaïque orientale», p. 39—75.

⁶ Здесь титул «Архиепископ Шамирамакерта» является отголоском высокого положения, которое занимал Ованес Тутунджи в прошлом, а именно, патриарший престол Вана-Шамирамакерта, другими словами — престол Васпураканского или Ахтамарского патриаршества.

Вышеупомянутые документы, касающиеся дел армянской типографии в Марселе, естественно не содержат никаких сведений относительно политической миссии Ованеса Тутунджи, но они показывают, что он удостоился самого внимательного отношения со стороны французского царского двора.

Пока для нас еще не ясен смысл слов анонимного хрониста о том, что Ованес Тутунджи «стал главой франкского народа и пошел на турок»; однако, нам кажется, что, опираясь на это свидетельство, можно, по крайней мере, признать, что, как мы уже отметили, он был тепло принят, достиг определенных успехов в своей политической миссии, стал «главой» франков против турок, факт, который, несомненно, не мог не иметь связи с армянским вопросом. И там был не один Ованес Тутунджи. Рядом с ним находились соотечественники, представители духовенства и деятели культуры — Закария Сисианци, Согомон Левонян и Джузеп Алеппи, которые, по всей вероятности, прибыли туда с одной и той же целью, и отнюдь не случайной была их встреча с ветераном армянского вопроса Мурадом или Шахмурадом. Однако для того, чтобы убедиться в этом, нужно несколько подробнее остановиться на некоторых вопросах, связанных с Ованесом Тутунджи.

Глава XI. Обстоятельства путешествия Ованеса Тутунджи.

Ованес Тутунджи, как и Махтеси Мурад, оставил памятную запись,¹ в которой он описывает свое путешествие из Египта в Эфиопию, а затем в Италию, до города Ливорно. Согласно этим путевым записям, Ованес Тутунджи в сентябре 1678 г. находился в Каире; отсюда он уехал 27-го числа того же месяца и после длительного и тяжелого путешествия достиг города Дембеи (ныне Гондар), тогдашней столицы Абиссинии; здесь он долгое время пользуется гостеприимством двора негуса и затем другим путем 7-го октября 1680 г. возвращается в Каир. Из Каира он переезжает в Александрию, а оттуда морем отправляется в Италию ичерез Мессину достигает города Ливорно, который являлся одним из портов великого герцогства Тосканского.

Таким образом, мы видим, что Ованес Тутунджи, направляясь в Европу, по пути заезжает и в Эфиопию. Хотя и в пу-

¹ «Путешествие архиепископа Хованеса в Абиссинию (Армянский текст, открытый и подготовленный еп. Карапетом, с русским переводом Н. Я. Марра и с примечаниями Б. А. Тураева)», Христианский Восток, Петроград, т. III, вып. I (г. 3-й, 1924), стр. 6—16.

тевых записях не говорится о целях путешествия, но мы увидим, что оно преследовало политические цели.

В путевых записях привлекает внимание то обстоятельство, что автор беспрепятственно вступает в Абиссинию. «Никто из чужеземцев не может вступить в эту страну,— говорит он,— а кто вступит, тот не сможет выйти из нее; но мы, божьей милостью и с помощью царя, вошли и вышли». И действительно, в результате религиозных волнений в Абиссинии, с 1632 г., согласно принятому закону, оттуда были «навсегда» изгнаны латинские миссионеры и вообще европейцы.¹ Однако армянское духовенство и купечество имели свободный доступ в эту страну, так что впоследствии, как об этом свидетельствует современный французский врач Ф. Бернье, для поездки в Абиссинию европейцы часто вынуждены бывали прибегать к армянскому национальному костюму.² Такое благосклонное отношение абиссинцев к армянам отчасти можно объяснить тем, что в Турции, и в особенности в Иерусалиме, где абиссинцы имели национальную собственность, они жили под покровительством армян. Согласно турецкому законодательству, национально-религиозные общины абиссинцев, коптов и сирийцев, как христианских народов монофизито-антихалкедонитского направления, на территории Османской империи в административном отношении находились в ведении армянской церкви. Однако есть и другое обстоятельство. Как в прошлые века, так и в XVII столетии в абиссинской церкви шла острая борьба между двумя течениями — Такла-Хайманотским и Евстафианским. Основателя противоположного течения — Св. Евстафия (первая половина XIV в.), который догматические принципы эфиопской церкви основал на моральном авторитете армянской церкви и сам скончался в Армянской Киликии, Такла-Хайманотцы называли **армянином**³. Борьба между течениями в стране в некоторой степени приобрела сектантский характер, вследствие чего определенная часть абиссинцев считалась происшедшей от армян. Ованес Тутунджи в своих путевых записях в связи с этим говорит, что у эфиопов «имеются две секты: одна называется сектой Тхлманоса (Такла-Хайманотцы), и они произошли от еврейского народа..., а другая секта — Тадеосиане (Евстафиане), происшедшие от армянского народа».

На основании этих фактов легко убедиться, что армян-

ский архиепископ без особых трудностей мог вступить в Абиссинию.

Ованес Тутунджи более одного года остается при абиссинском дворе, пользуясь большой благосклонностью негуса, как об этом свидетельствует современник Лудольф. Последний записал то, что в конце 1683 г. в Париже ему и известному путешественнику Тевено рассказал Махтеси Мурад: «Он (Махтеси Мурад) рассказывал нам, что его друг некий армянский епископ находился в Абиссинии более одного года, оттуда он вернулся примерно четыре года тому назад; имя тогдашнего царя было Иоанн и сам (епископ) пользовался его (царя) большой благосклонностью».¹

В путевых записях Ованес Тутунджи называет себя «архиепископом Шамирамакерта»; а мы уже знаем, что архиепископ Шамирамакерта был «посланником патриарха Армении» (см. гл. X). Несмотря на то, что имя «патриарха Армении» здесь не упоминается, однако на основании приведенных нами данных,² это был не патриарх Эчмиадзина Акоб Джугаеци, а патриарх западных армян Егиазар Айтипацци, резиденция которого находилась в Иерусалиме. Значит, Ованес Тутунджи направлялся в Эфиопию в качестве посла Егиазара Айтипацци, человека преданного делу освобождения западных армян.

Целью посольства, по всей вероятности, было поднять Эфиопию против турок. Как мы уже знаем, эта задача выдвигалась еще в начале освободительного движения. В проекте, который Махтеси Мурад повез в Европу, Эфиопия фигурировала как одно из государств, которые с разных сторон должны были включиться в движение для нанесения удара по Османской империи. Так и теперь, когда упорно поднимался вопрос освобождения армян, практически ставился также вопрос об участии абиссинцев; и миссия посланника патриарха западных армян в Эфиопию должна была заключаться именно в этом.

Людовик XIV, который давно был связан с западноармянским движением, разумеется, не мог не быть участником в подобном мероприятии; и это тем более естественно, если учесть арменофильское движение, развернувшееся в Париже с 1676/1677 гг. и все нараставшее, что свидетельствует о том, что восточный вопрос был одним из немаловажных вопросов, занимавших французского короля. И в самом деле, Ованес

¹ P. R. da Cesinale, t. III, p. 397—398.

² Ср. А. Албояджян, стр. 87—88.*

³ Журн. Эчмиадзин, 1956, № 4—5, стр. 97—103; № 6, стр. 53—57; № 8—9, стр. 86—92; № 11—12, стр. 77—81.*

¹ Ludolfius, p. 265.

² См. нашу опубликованную диссертационную работу, стр. 203.*

Тутунджи до отъезда в Эфиопию уже был в Париже¹ и, как видно, имел поручения для абиссинского царского двора и от Людовика XIV. И вот каким образом.

В путевых записях Ованеса Тутунджи имеется упоминание о том, что его долгое пребывание при абиссинском царском дворе и гостеприимство, оказанное ему, вызвали подозрения и недовольство среди абиссинского духовенства, вследствие чего он счел благоразумным уехать оттуда. «Мы не могли оставаться по той причине, что духовные лица притесняли нас своими расспросами о религии и вере»,—говорит он. Лудольф подтверждает этот факт, добавляя, что абиссинское духовенство стало подозревать, что негус хочет сделать армянского епископа патриархом Эфиопии и что он исповедует римскую веру.² Связь армянского делегата с западноармянским патриаршеством в Иерусалиме и с французским двором, дают нам возможность увидеть политическое содержание этого инцидента, происшедшего в абиссинском дворе.

Еще с начала XVI века европейский капитал под религиозной маской начинает проникать в Эфиопию. Пользуясь трудностями эфиопских императоров, вначале Португалия, а затем и Испания, наряду с оказываемой Эфиопии помощью, посылали туда латинских миссионеров и назначали патриархов, хотя и их сан носил чисто номинальный характер, так как движение, противоборствующее католичеству, было очень сильным. Даже некоторые из эфиопских императоров, в надежде на помощь, пытались установить прочные связи с Европой, действительно добивались церковного переворота в стране, разрыва религиозных связей с коптским патриаршеством Александрии и утверждения римских митрополитов. Однако эти попытки распространения католичества и усиления европейского влияния в Эфиопии прошли безрезультатно, наоборот, они вызвали неприязненное отношение к европейцам и явились причиной их преследования, в особенности начиная с 1632 г., когда на престол вступил Фацилидас.³

В данном случае, по-видимому, мы являемся свидетелями новой попытки Людовика XIV найти путь для проникновения европейского капитала в богатую эфиопскую страну, опять-таки под религиозной маской, но на этот раз, с помощью ар-

¹ Лудольф говорит о возвращении Ованеса Тутунджи в Париж из Абиссинии; если последний вернулся в Париж, следовательно, он уезжал оттуда, ср. Ludolfus, p. 265.

² Ibidem, p. 266.

³ Подробно см. «Mémoire sur l'Ethiopie», в следующем сборн.: «Lettres édifiantes et curieuses», t. I, Paris, 1838, p. 629—637.

мян. Западноармянское патриаршество, опиравшееся на идею освобождения западных армян, которое, благодаря складывавшимся обстоятельствам, осуществление этого дела связывало с латинской Европой, фактически само являлось проводником и пропагандистом политики проникновения, проводимой на Востоке европейскими католическими государствами и, в особенности, Францией. Так что Людовик XIV, ведя переговоры с императором Иоанном относительно того, чтобы патриархи Эфиопии назначались из армян, именно через это патриаршество пытался обеспечить проникновение католичества и французского капитала. До этого патриархи Эфиопии назначались из коптов Египта, как это продолжается и по сей день. С другой стороны этим он хотел поощрить армянских деятелей в отношении освободительных проектов, чтобы при удобном случае рассчитывать на армян в восточном вопросе.

Таким образом, поездка в Европу Ованеса Тутунджи, посланника западноармянского патриарха, преследовала политические цели и имела связь с вопросом освобождения и Людовиком XIV. И он, после завершения своей миссии во дворе негуса, снова перешел в Европу для того, чтобы направиться во французский двор. Он достиг Парижа как раз в конце 1680 г., т. е. в то время, когда в Париже находился и Махтеси Мурад.¹ А в начале 1683 г., как мы уже знаем, он снова находился в Париже и вместе с Махтеси Мурадом, Захарием Сисианци и др. был принят в Версальском дворце.

После этого мы теряем следы Ованеса Тутунджи в Европе, также как после 1683 г. мы уже не имеем возможности проследить за ходом освободительного движения; следовательно, и конец второго этапа движения, начавшегося с окончанием Кандийской войны, также остается в неизвестности.

Этим завершается и последний этап армяно-французских отношений. Людовику XIV больше не представился случай осуществить свои планы против турок, ибо, начиная с 1686 г., образование Аугсбургской лиги и начатые ею военные действия на многочисленных фронтах измотали силы Франции, экономически разорили ее и довели до порога упадка.

Глава XII. Конец западноармянского движения и оценка двух этапов этого движения.

В конце XVII столетия интересующее нас освободительное движение западных армян угасло, пройдя два отдельных

¹ В конце 1683 г. Махтеси Мурад говорил Лудольфу, что Ованес Тутунджи возвратился из Эфиопии в Париж «примерно четыре года тому назад», см. Ludolfus, p. 265.

этапа: первый, связанный с Кандийской войной (до сент. 1669 г.), и второй — связанный с Францией (после 1669 г.). Западноармянское ходжайство и присоединившаяся к нему часть духовенства смогли убедиться, что стучаться в двери христианской Европы ради освобождения армянского народа — дело напрасное и безнадежное. Пошли прахом усилия и ожидания более чем двух десятилетий.

Теперь остановимся на вопросах, связанных с оценкой западноармянского освободительного движения.

1. Как представляли себе армянские политические деятели освобожденную Армению?

Прямых свидетельств по этому вопросу, к сожалению, в источниках нет, однако нельзя не учитывать, что у писателей той эпохи идея освобождения Армении всегда была сопряжена с понятием политической независимости, с мечтой о восстановлении армянского царства. Оставляя в стороне писателей предшествующих веков, упомянем писателя XVII в. Акоба Батукенца, который в 1608 г. уповал на то, что бог сосредоточил армян «в родной стране и укрепил властью царя и патриарха»¹. Саргис Хизанци в 1610 г. выражал надежду на то, что господь «обновит, восстановит и утвердит трон и власть нашего патриарха и царя»².

Если говорить конкретнее, то нужно упомянуть о тайном собрании, созванном в 1562 г. в Себастии (Сивас), которое сочло необходимым постановить, что из рода древних армянских царей остался один отпрыск в лице Абгара Тохатеци.³ В памяти еще были живы воспоминания о восстановлении на исконной армянской земле Васпураканского царства в 1465 г. в лице царя Смбата, который происходил из рода умершего в 936 г. царя Гагика Арцруни и был в кровном родстве с патриархами Ахтамара;⁴ а последние вообще считались выходцами «из рода и племени великого царя Гагика», и поэтому в период отсутствия светской власти их престол считался **патриаршим и царским престолом**. Эта же идея, которая, начиная с XIV века, часто встречается в памятных

¹ Г. Алишан, «Каменец», Венеция, 1896, стр. 169.*

² Е. Лалаян, «Каталог армянских рукописей Васпуракана», вып. I, Тифлис, 1915, стр. 839—840.*

³ В. Г. Зардарян, «Историко-биографические записки», Константинополь, 1910, стр. 256.*

⁴ Н. Акинян, «Хронология Ахтамарских патриархов», Вена, 1920, стр. 111—114.*

записях армянских рукописей¹, ничто иное, как прямое отражение мечты о восстановлении армянского царства. Именно в интересующий нас период, один из авторов XVII века, писец Тума, живя под турецким варварским игом «в частых изгнаниях и тревогах», в 1648 г. писал об Ахтамарском патриаршем престоле: «Да хранит господь бог в незаблестимости и крепости престол патриарший и царский»².

Конечно, эта мысль касалась не только Васпуракана и патриаршества Ахтамара, а всей армянской действительности. В этом смысле, например, и писец Партам в 1674 г. лелеял надежду, что «рассыпанный по всей земле» армянский народ соберется «в свою собственную, исконную и родную страну и области земли Армянской... обновленный, усилившийся, окрепший и ставший негнибаемым под царской и патриаршей властью»³.

В этих фактах нетрудно увидеть, что в освободительных стремлениях и начинаниях западных армян господствовала мечта о восстановлении армянского царства.

2. Что подразумевали европейцы вообще под «освобождением» восточных христиан?

Ответ на этот вопрос ясно виден прежде всего из письма А. Гримани (от 14-го апреля 1668 г.),⁴ представляющего собой квинтэссенцию планов Доминика Оттомана; согласно этому письму, нужно было дать оружие «грекам, христианам и хорошим туркам», чтобы они «помогли ему (т. е. Доминику Оттоману) воссесть на трон», а это значило, что на османском императорском троне вместо султана-магометанина должен был сидеть султан-христианин, католик. Народы Востока продолжали бы находиться под ярмом чужеземного господства. То же самое предусматривал и проект Людовика XIV, поскольку завоевываемые Францией земли должны были быть объединены под скипетром одного из сыновей Короля-Солнца. Именно в этой форме идея завоевания Францией разных земель проявлялась у авторов-современников, составлявших планы крестовых походов.⁵ В период Кандийской войны Доминик Оттоман считал, что после завоевания Турции «с населением нужно обращаться искусно», выражая уверенность, что «многие из них решат принять праведную католическую

¹ Указание на многочисленные источники см. в нашей опубликованной диссертационной работе, стр. 221—222.*

² Е. Лалаян, стр. 914.*

³ Б. Кюлесерян, «Список рукописей Анкары», Антилиас, 1957, стр. 747.*

⁴ Revue d'Histoire Diplomatique, XVIIe année, 1903, p. 372—373.

⁵ М. Fébure, p. 275—276. «Quelques discours et lettres», p. 101.

веру».¹ О том, как были бы приняты такие «решения», говорит Мишель Фебюр в связи с французскими планами, уяснив подлые способы, к которым собирались прибегнуть завоеватели, чтобы стереть религиозно-национальные черты разных христианских народов Востока, обуславливающие их самостоятельность, и укрепить цепи рабства. Он предлагал в первую очередь объявить все церкви общими и не разрешать «сектам» (некатоликам) говорить «франкская церковь», «греческая церковь», «армянская церковь» и т. д., а впоследствии «грубой силой» заставить их отказаться от собственных церквей; и еще принудить их патриархов и епископов, чтобы они проповедали покорность папе; «строго-настрого запретить» учителям впредь преподавать на армянском и сирийском языках, и т. д.²

3. В какой мере были бы осуществимы планы Доминика Оттомана в случае успеха кандийской диверсии и падения Османской империи?

Нужно учесть, что даже в случае успеха Доминик Оттоман и его престол неизбежно послужили бы источником для новых раздоров и войн в Европе, ибо большой вопрос — чьим интересам служил бы этот кандидат, выдвинутый Ватиканом, Парижем и Венецией. Подозрительность царица прежде всего в отношениях между Парижем и Венецией. К концу войны Людовик XIV с подозрением относился к венецианцам, требуя от них заверения, что они не заключат сепаратного мира с турками; возник вопрос даже об оккупации г. Крема французскими войсками в качестве гарантии искренности Венецианской республики.³ Недоверие существовало также в отношениях между Парижем и Ватиканом на той же почве, и здесь примечательно то, что со всем этим было связано и имя Доминика Оттомана. Французский двор подозревал, что Ватикан и венецианское правительство «ведут самые серьезные переговоры лично с великим визирем относительно Патера Оттомана» и «не доверяли Франции, чтобы держать ее в курсе дела».⁴ Безусловно, подобные разногласия в дни кандийского кризиса могли иметь тяжелые последствия, поэтому и Ватикан поспешил заявить, что «какого-либо договора относительно Патера Оттомана или о каком-либо другом с целью предпринять что-либо или начать нападение против

¹ Revue d'Histoire Diplomatique, XVII, p. 372.

² M. Fébure, p. 278—282.

³ Ch. Terlinden, «Le Pape Clément IX et la guerre de Candie (1667—1669), d'après les archives secrètes du Saint-Siège», Louvain—Paris, 1904, p. 184—185.

⁴ Ibidem, p. 186.

турок заключено не было», прибавляя, что в таком случае его первым делом было бы «пригласить Всехристианнейшего Короля и просить помощи у его благочестия».¹ Эти факты говорят о том, что в последние дни Кандийской войны отношения союзников были омрачены именно в связи с Домиником Оттоманом. Дело в том, что культивируя «подозрения» в отношении своих союзников, Людовик XIV подготавливал почву для будущего использования результатов победы в своих интересах, имея целью возвести на византийский императорский трон кого-либо из Бурбонов, вместо Доминика Оттомана, которого он считал лишь выигрышной фигурой для своего хода; в случае же перемирия с турками он хотел иметь веское слово в переговорах, чтобы Венеция не могла воспользоваться случаем и расшатать позиции французской торговли на Востоке. В таких условиях нельзя было ожидать, чтобы даже в случае победы в войне осуществилась бы та часть плана Доминика Оттомана, которая относилась к дальнейшей судьбе Османской империи. Фигурировал и русский вопрос, поскольку в завоевании Константинополя должна была принять участие и Россия. В этом случае на почве наследства Византийской империи неизбежно произошло бы столкновение интересов французского короля и русского царя, и это противоборство в свою очередь тоже стало бы одним из серьезных препятствий, мешающих осуществлению планов Доминика Оттомана.

4. Что представляли собою планы Людовика XIV, с точки зрения освобождения восточных народов, и в какой мере они были осуществимы?

То, что Людовик XIV стремился организовать крестовый поход под своим руководством, достоверно, но нельзя сказать, что его идеалом было оказание помощи христианскому населению Востока. Людовиком XIV и его двором руководили лишь экономические и политические мотивы, несколько не связанные с христианскими идеями и чувствами его «Всехристианнейшего Величества». Некоторое время основной причиной недружелюбного и враждебного отношения Франции к Турции являлся вопрос о капитуляциях (до заключения капитуляции 1673 г.). Этот вопрос был стержнем франко-турецких отношений, хотя у французского двора была озабоченность и в другом направлении — предупредить превосходство турецкого влияния в Европе и на Средиземном море. И после 1673 г. французская дипломатия продолжала проявлять особую заинтересованность в отношении Турции, ибо в

¹ Ch. Terlinden, p. 186.

это время турецкий вопрос в полной мере занимал и другие европейские государства, и интересы Франции требовали, чтобы она не оставалась в стороне. Сокрушение Турции и ее уничтожение, или же, хотя бы вытеснение из Европы считалось близким и неизбежным, и, следовательно, было «политической мудростью» быть готовым встретить этот исторический момент и во всех случаях обеспечить Франции ее долю. Лишь на этих основах во Франции во времена Людовика XIV существовали планы крестового похода, а это не имело даже отдаленной связи с освобождением христианских народов Востока.

Переходя к вопросу о том, в какой мере были осуществимы планы крестовых походов Людовика XIV, в первую очередь следует учесть ту тайную политику, которую вели министры Людовика XIV в отношении Турции: существование Османской империи считалось ими необходимым для равновесия в Европе; если, с одной стороны, дружба с Турцией рассматривалась, как важное условие для увековечения и усиления французского влияния на Востоке, то, с другой стороны, она служила делу обеспечения превосходства Франции на Западе в отношении Австрии.¹ Следует учесть также, что Людовик XIV в борьбе против Габсбургов сам, косвенным образом, фактически становился опорой для турок. Проводимая им политика, вела его, хотя и поневоле, на тот же путь, на котором стоял Кольбер. Вот почему Людовик XIV не только не смог участвовать в 1684 г. в Священной лиге, в действиях против Турции, но даже постарался расколоть ее дипломатическими усилиями и всячески препятствовать успехам крестоносцев, так как Австрия — главный участник Священной лиги — состояла также членом Аугсбургской лиги, образованной в 1686 г. против Людовика XIV.² В этих условиях Людовик XIV вынужден был постоянно откладывать реализацию своих агрессивных планов против Турции, тем более, что войны Аугсбургской лиги связывали его руки до конца XVII столетия.

Глава XIII. Егиазар Айнтапци и егиазарианское движение.

Имя Егиазара Айнтапци и вопрос о так называемом егиазарианском движении связаны со всем ходом освободительного движения западных армян. Однако рассмотрение этого вопроса мы перенесли в последнюю главу труда, ибо это не-

¹ Ср. Th. Lavallée, p. 324.

² Ср. Ibidem, p. 345.

возможно было выполнить до решения основных вопросов, выдвинутых в этом труде.

Егиазар Айнтапци был одним из видных представителей сисского направления армянского духовенства. Та часть его общественной деятельности, которая была связана с освободительным движением западных армян, начиная еще с 1663 г., заключалась в инициативе по созданию отдельного патриаршества западных армян (независимого от Эчмиадзина), мероприятие, считавшееся в свое время частью армянства исключительным ударом для единства армянской церкви, что и в таком же одностороннем освещении дошло до нас, благодаря двум современникам этих событий. Первым из них был известный западноармянский общественный и культурный деятель Еремия Челеби Кёмурджян, возглавлявший анти-егиазарианский лагерь. Он в своей неопубликованной по сей день «Летописная история» подробно останавливается на этих событиях;¹ впоследствии, во второй половине XVIII века, основоположник новоармянской исторической науки Чамчян, под его сильным влиянием написал обширную историю Егиазара Айнтапци, хотя и пользовался также различными мелкими памятными записями.² Второй автор, современник этих событий Закария Канакерци, выросший и живший в атмосфере влияния Эчмиадзина, представляет деятельность Егиазара в тех же красках, что и Еремия Челеби. Его «Историография», которая стала известна лишь в 1870 г., выйдя в печатном виде из Эчмиадзинского матенадарана,³ не была знакома Чамчяну. Таким образом, все армянские историки под влиянием Чамчяна руководствовались одним и тем же направлением, через него следуя первым долгом и в основном Еремии Челеби, и затем Закарию Канакерци. И армянская историография, около двух веков оставаясь под влиянием пристрастных и односторонних источников, по сей день не могла дать правильной и достойной оценки деятельности Егиазара Айнтапци.

Егиазара Айнтапци представляют как человека в высшей степени честолюбивого, эгоистичного и хитрого; однако эти черты, как бы правильно не отражали особенностей его характера, тем не менее, ни в коем случае не могут считаться удовлетворительными для объяснения вызванного им мощного общественного движения.

¹ Ср. Еремия Челеби Кёмурджян, «История Стамбола», издал В. Торгомян, Вена, 1913, стр. 185—186.*

² М. Чамчян, «История Армении», т. III, Венеция, 1786, стр. 697—723.*

³ «Историография Закарии Саркавага», Вагаршапат, 1870, т. II, гл. 39, 40, 44 и 52.*

Прошлое Егиазара Айнтапци на общественном поприще было плодотворным. Оставляя в стороне более ранний период, отметим, что он был армянским патриархом Иерусалима с 1657 г. В 1663 г. он начинает добиваться осуществления проекта создания общего патриаршего престола для западных армян. Целью этого проекта, как пишет Чамчян, было «стать главой армянского народа и сделаться отдельным патриархом для тех, кто находился под владычеством османцев, и утвердить свой престол в Иерусалиме».¹

Интересно, что еще в период зарождения этого проекта Егиазар Айнтапци тайно имел советчика в лице знакомого нам и известного своей латинофильской деятельностью Хачатура Галатаци, который в союзе с ним собирался осуществить этот проект. Однако нельзя забывать, что до этого эти две личности в своей общественной деятельности находились во враждебных отношениях. В Алеппо в 1661/62 гг. латинофилам или приверженцам сисского направления удалось, благодаря усилиям французского консула Франсуа Барона и с помощью значительных средств из миссионерского фонда, утвердить «ученика Рима» Ованеса вардапета (Don Giovanni) «вождем и духовным предводителем армянского народа», а патриарх Иерусалима Егиазар Айнтапци, добившись от Высокой Порты указа, направленного против него, приехал в Алеппо и изгнал его². Реляция латинской миссии в Алеппо, рассказывающая об этих событиях, говорит, что Хачатур Галатаци, приехав в это время из Константинополя в Алеппо, сумел, «утихомирить шум и уладить все в пользу католиков»,³ т. е. в пользу сторонников сисского направления, и всеми силами старался с помощью миссионеров, которые действовали при содействии французского посла в Константинополе, добиться свержения своего противника. Патер Сильвестр Сент-Эньянский пишет об этом из Алеппо епископу Гелиополя Франсуа Палью (12 октября 1662 г.): «Армянский патриарх [Хачатур Галатаци] говорит, что он публично провозгласит себя римским католиком, если удастся добиться у Высокой Порты [приказа] о наказании патриарха Егиазара, резиденция которого находится в Иерусалиме... Работаем в этом направлении».⁴

Как же случилось, что Хачатур Галатаци очень скоро после этого, оставив позицию такого непримиримого врага, едет в Иерусалим, и став соучастником тайного проекта Егиазара,

на этой почве заключает с ним союз? Нельзя простодушно внимать данным источника Чамчяна, в котором говорится, что «случилось так», что в эти дни Хачатур отправился паломником в Иерусалим, и Егиазар там, в часовне Св. Якова, «наедине» сообщил Хачатуру свой проект, открыл «тайну своего сердца», обещая, что «во всем будет для него поддержкой», «и так как Хачатур был простодушным человеком», то он «согласился с ним», и таким образом между бывшими врагами был заключен союз, чтобы «при удобном случае осуществить дело».¹ Мы считаем, что такого рода рассуждения не в силах пролить свет на события. Во всем этом нам может пригодиться только то, что имеет вещественный характер, а вещественными являются лишь обещания Егиазара, говорящие о том, что в случае успешного завершения его проекта, он «во всем будет для него поддержкой». Что же подразумевалось под словами «во всем»?

Для объяснения слов «во всем», которые должны были заинтересовать Киликийского патриарха Хачатура Галатаци, нужно иметь в виду, что он был человеком определенных взглядов (см. гл. II). Целиком поглощенный идеями освобождения армян, он как раз в это время налаживал отношения с французским консулом в Алеппо Франсуа Бароном и латинскими миссионерами,² писал письма в Рим папе Александру VII и в Париж королю Людовику XIV (см. гл. IV). Однако вполне естественно, что для создания общего западноармянского движения недостаточно было усилий патриарха Киликии. Ему необходимо было содействие и такой влиятельной личности, какой являлся патриарх Иерусалима. Вероятно, как раз с этой целью Хачатур отправился в Иерусалим, а именно для зондирования настроений Егиазара и переговоров с ним. Но для того, чтобы сделать его пособником своего проекта, нужно было пойти и на равноценную уступку; именно на этой почве должен был возникнуть вопрос о западноармянском патриаршестве Егиазара, осуществление которого для обеих сторон было одинаково выгодным, ибо, вследствие этого, с одной стороны расширилась бы власть Егиазара Айнтапци, — что должно было заинтересовать его, — с другой стороны, благодаря этой новой власти патриаршества, права которого, за исключением Киликийского патриаршества, распространились бы на всю территорию Османской империи, сисское направление стало бы господствующим среди всего

¹ М. Чамчян, т. III, стр. 697.*

² «Documents inédits», t. I, p. 461—462.

³ Ibidem, p. 463—464.

⁴ Ibidem, p. 464.

¹ М. Чамчян, т. III, стр. 697.*

² «Documents inédits», p. 463—464.

западного армянства, что шло на пользу освободительному движению армян.

По нашему мнению, заключив союз на этих условиях, Егиазар Айнтапци включался в дело освобождения армян, обещая Хачатуру «во всем быть для него поддержкой».

Иначе нельзя объяснить линии поведения Хачатура Галатаци. Превращение за короткий срок непримиримого врага в друга и искреннего соратника в сложившейся обстановке требовало наличия серьезных побудительных причин. Борьбу, которую вел Хачатур против Егиазара, латинские миссионеры взяли в свои руки, если не сказать, что они сами побуждали его на эту борьбу; следовательно, без их согласия невозможно было неожиданное примирение и сближение Хачатура с «раскольником» Егиазаром. И если проект создания отдельного патриаршества для западных армян был выношен самим Егиазаром, как думают Чамчян и другие, то здесь допустимо также предположение об участии миссионеров для того, чтобы завлечь Егиазара, учитывая, с одной стороны, его личные честолюбивые склонности, а, с другой стороны — его патриотические чувства. Однако, надо также иметь в виду, что идея создания западноармянского патриаршества даже могла быть выдвинута миссионерами.

Как бы то ни было, неопровержимым фактом является то, что при загадочных обстоятельствах в 1663 году был заключен договор о сотрудничестве и на этой основе весной 1664 г. проект был приведен в жизнь. От великого османского визиря Кёпрули Ахмед-паши Егиазар одновременно получает указ об утверждении его отдельным западноармянским патриархом и Иерусалимским патриархом¹, а Хачатур Галатаци в Алеппо рукополагает его в патриархи.

¹ Для объяснения заинтересованности османского двора Чамчян пишет, что Егиазар в виде подкупа турецкому визирю приносит в дар «много золота» (см. «История Армении», т. III, стр. 699*). Однако немалую роль сыграло также следующее обстоятельство: Эчмиадзин — главный престол армянской церкви, находившийся под господством Персии, большую часть своих податей и доходов (продажа ладана и др.) получал из Западной Армении, находившейся под владычеством Турции; а это шло не столько на общие расходы духовенства, по линии церковного и культурного строительства, а различными путями текло в казну персидского царского двора. Персидские шахи и ханы рассматривали Эчмиадзин как доходную сокровищницу и просто-напросто грабили ее. Это явление не оставалось незамеченным при турецком дворе, и поэтому Высокая Порта должна была поощрить создание в пределах Османской империи отдельного армянского церковного центра, не зависящего от Эчмиадзина.

С этих пор жизнь Егиазара на этом двойном престоле в течение последующих 16 лет проходила в волнениях с частыми приливами и отливами. Часть духовенства, примыкающая к эчмиадзинскому течению, начинает бурную борьбу против него, но он остается непоколебимым на своих позициях, опираясь на силу и авторитет сисского направления, которые росли в Западной Армении благодаря тому, что в это время данное течение являлось носителем идеи освобождения армянского народа.

Для обоснования этой нашей точки зрения мы приводим ряд фактов, связанных с общественной деятельностью Егиазара и его биографией, которые характерны для деятельности сисского направления, а именно, антиэчмиадзинство и латинофильство.¹ Из этих фактов достаточно упомянуть лишь о том, что его помазание западноармянским патриархом воспринималось и изображалось противоположным течением как появление **испанского дракона** (в нашей интерпретации **римский** или **латинский дракон**). Это связывалось с семиглавым огненным драконом из XII-ой гл. книги Откровения, о котором сказано, что «хвост его увлек с неба третью часть звезд», а высказываемая на этой аллегорической основе мысль, что испанский или латинский дракон (Егиазар Айнтапци) «увлек часть разумных звезд в ненасытное чрево»,² означала, что, выступив как приверженец римского или латинофильского направления, он увлек за собой часть **разумных звезд** — духовных и светских деятелей, т. е. взял на себя роль предводителя в движении, которое имело латинофильскую ориентацию.

Таким образом, как Киликийское патриаршество в лице Хачатура Галатаци, так и Иерусалимское западноармянское патриаршество в лице Егиазара Айнтапци были вовлечены в освободительное движение, возглавляемое западноармянской торговой буржуазией. Последняя являлась той социально-политической силой, на которую опирался проект западноармянского патриаршества.

Егиазар Айнтапци был авторитетной и влиятельной личностью в истории западных армян своего времени, личностью, которую, по всей видимости, сисское направление намечало сделать главой армянской церкви в той Армении, ко-

¹ См. наш опубликованный диссертационный труд, стр. 256—267.*

² Еремия Челеби Кёмурджян, «Дневник», стр. 431*.

торая должна была освободиться с помощью Европы, разумеется, под верховенством римского престола. Движение Егиазара Айтипацци являлось подготовлением для этого ближайшего будущего, чтобы впоследствии отделение, которое неизбежно и неотвратно должно было произойти в армянской церкви, не произвело бы неожиданного и ошеломляющего впечатления на армян.

Егиазар Айтипацци, поглощенный надеждами на скорое освобождение армян, около 17 лет упорно возглавлял это движение и, в конце концов, в 1682 г., когда благодаря усилиям противников, после смерти Акоба Джугаеци он был переведен в Эчмиадзин для того, чтобы занять его место, он с большим трудом вынужден был отказаться от тех идей и целей, которым был предан всей душой¹.

Таким образом, неправильно было бы видеть в создании западноармянского патриаршества лишь честолюбивые побуждения Егиазара Айтипацци. Эти стремления имели идейную основу и общественные побудительные причины, и это являлось причиной того, что егиазарианское движение нашло широкий отклик и распространение в Западной Армении. Вступление Егиазара Айтипацци в это движение и успешное утверждение западноармянского патриаршества было большим достижением освободительного движения западных армян. Значение нового патриаршего престола было велико тем, что оно, вместе с Киликийским престолом, призвано было создать единую национально-церковную армянскую власть внутри Османской империи.

В **Заключении** подытоживаются результаты исследования.

В разделе **Документы** опубликованы 12 документов на французском, итальянском и древнеармянском языках, из коих лишь 2 были известны армянской историографии.

В **Резюме**, объемом в 1,5 печатных листа, дается основное содержание исследования на русском языке.

В разделе **Библиография** приводится список использованных в работе опубликованных и неопубликованных источников, а также литературы, состоящий из 300 единиц (включая рукописи Ереванского Государственного Матенадарана).

В **Словаре** приводятся и объясняются употребляемые в

¹ О фактах почти насильственного его перевода в Эчмиадзин в 1682 г. см. в нашей опубликованной диссертационной работе, стр. 268—271.*

исследовании исторические, административные, налоговые и другого рода термины на армянском и других языках, как и встречающиеся в использованных нами армянских источниках диалектизмы, незнакомые и иностранные слова, всего 303 слова.

В конце дается **Именной и предметный указатель** на армянском, русском и других языках.

Опубликованы в виде журнальных статей и отдельной книги:

1. А. С. Анасян, «Лепта в историю армянского освободительного движения. Махтеси Шахмурад и Ованес Тутунджи». См. журнал «Ер-кунк», Париж, 5-й год издания, № 6—8 (1934 г., октябрь—декабрь), стр. 94—100. (На армянском языке).

2. А. С. Анасян, «Турецкое владычество в Армении в XVII веке». См. «Известия АН Армянской ССР», серия общественных наук, 1951, № 5, стр. 51—70. (На армянском языке).

3. А. С. Анасян, «Страница из истории армяно-греческого освободительного движения в период Кандийской войны (XVII век)». См. «Известия АН Армянской ССР», серия общественных наук, 1954, № 3, стр. 85—99. (На армянском языке).

4. А. С. Анасян, «Освободительные движения в Западной Армении в XVII веке» (Историческое исследование). Ереван, Издательство АН Армянской ССР, 1961 г. 442 страницы. Объем 27,75 печатных листа. (На армянском языке).